

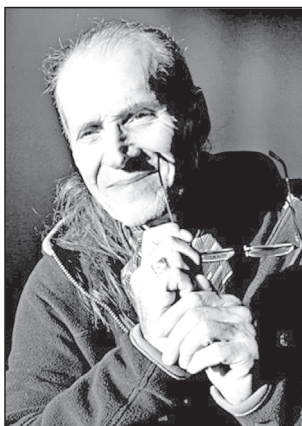
Литературная тетрадь № 1

Абакан•2019

Юрий Иванов

Юрий Моргунов

Владимир Рева

Наши авторы

Станислав Романенко

Надежда Сафронова

*Валентина
Андреева*

Тамара Арбатская

*Людмила
Башкирова*

Людмила Белякина

Наши авторы

Тамара Казанцева

Николай Звягинцев

ВАЛЕНТИНА АНДРЕЕВА

Родилась в Хабаровском крае, окончив педучилище, работала в дошкольных учреждениях. Печаталась в районной газете «Ленинская искра», в альманахе «Сибирская лира» №№ 2, 3, победитель конкурса среди инвалидов «Если душа родилась крылатой».

Весна победительница

Метель разгулялась, как в пьяном угаре,
Пляшет, мятежная, в буйстве хмельном.
Мчится стрелою между домами,
Вальсом кружится в поле большом.

Вот притомилась, чуть-чуть отдохнула,
Снова завьюжила, вихри крутя,
Словно белою птицей вспорхнула,
Снежные волны всюду метя.

Крутится, воеет голосом диким,
Песню унылую вновь завела.
Удалью мчится с ветреным гиком,
След и тропинки везде замела.

Вертится, бесится, воеет, несётся
С буйною силой и мощью своей,
Вихрями снежными рядышком вьётся,
Вдаль улетаёт быстрее и быстрее.

Вот и закончилось злое веселье,
Силы свои растеряла в пути,
В поле метель настелила постели,
Всюду сугробы, нигде не пройти.

Эх, как зима разгулялась, не хочет
В дали далёкие вновь уходить.
Только весна вслед ей хохочет,
Зиму стараясь теплом победить.

Вот уже солнце весеннее встало,
Лучиком ярким снега осветив,
Ласкою тёплой на землю упало,
Зимние слёзы ручьями пролив.

Одиночество

Поздний вечер, крылья распластав,
Обнял сумраком деревню небольшую.
Всё уснуло, от полуденной жары устав,
Лишь одна не сплю я, по тебе тоскую.

Где ты милый мой, в каких краях?
С кем проводишь бархатные ночи?
Что скрываешь ты в своих глазах?
Ждать тебя уж нету больше мочи.

Ты приди ко мне, мой дорогой,
Ласкою согрей девичью душу,
Нежным словом сердце успокой,
Верности своей я не нарушу.

Рвутся чувства из моей груди
И любовь моя к тебе стремится.
Нет преград в безудержном пути,
Наша встреча счастьем озарится.

Как же тяжело быть всегда одной
И не слышать о любви признаний.
Тишина лишь в комнате пустой
Да альбом былых воспоминаний.

Ты услышь мой зов, дай позабыть
В ночных мыслях серые ненастья.
Мне так хочется любви твоей испытать,
Испытать хоть на минуту счастья.

Ах, лето!

Ах, лето, красное лето!
Как яркое твой солнечный день!
Люблю я тепло и цветение это
И в кроне листвы прохладную тень.

И в речке быстрой купанье,
И переливы текущей воды,
Голубых незабудок сиянье,
По мягкой траве босиком пройти.

Люблю тоскующий голос кукушки,
Весёлое порханье синиц.
На лужайке берёзки-подружки
Слушают весёлое пение птиц.

Люблю я бездонное синее небо
И облака, плывущие в нём,
В полях созревание хлеба
Весёлым солнечным днём.

Вот землянички душистая капля
Так и просится, сладкая, в рот.
Там на болоте серая цапля
Смотрит, как рыбка плывёт.

Как быстро промчишься ты, лето,
Не успев насладиться нас теплом.
Вдаль умчишься с приветом
И помашешь лишь птичьим крылом.

Зима – колдунья

Зима по-своему прекрасна
В великолепии волшебства.
Никто не может с ней сравниться
В совершенстве её мастерства.

Вот мороз дохнул
Своим дыханьем чистым,
Разукрасил все деревья
Белым инеем пушистым.

Лес стоит, как в сказке,
В снежный плен закован,
Колдовскою силою
Взгляд мой очарован.

Пропитался воздух весь
Свежестью морозной,
А зима колдует всё,
Повсюду взгляд направив грозный.

Вот укутала она
Землю снегом нежным,
Будет ей тепло зимой
Под сугробом снежным.

Зимняя картина

Замела тропинки вьюга,
Всё одето в снежный наряд.
Обнимая ветвями друг друга,
Две берёзки одиноко стоят.

А зима, укутав их в снежную шубу,
Колыбельные песни временами поёт,
И во сне мечтают берёзки прижаться
к могучему дубу,
Далеко лишь от них он растёт.

Над берёзами лишь вороны кружатся
И блестит под ногами жемчужный ковёр.
Облака в вышине над землею клубятся
И похожи на царский шатёр.

Вот заря, по утрам просыпаясь,
Зажигает миллиарды огней,
И снежинки на солнце горят, разгораясь,
Словно россыпь драгоценных камней.

Тишина тихим звоном звенит,
Рощи спят непробудным сном.
Солнце зимнее в небесах блестит,
И уснула река подо льдом.

Всюду бескрайние доли, равнины
Затканы толстым пушистым ковром,
И пред взором волшебные картины
Зима-художница рисует своим
Белоснежным перстом!

Четыре времени года

Все бегут, торопятся куда-то,
Каждый по делам своим бежит.
Ну, а разве в том я виновата,
Что мне больше некуда спешить.
Пролетели годы, словно птицы,
В волосы, вплетая седину,
Осень расстилает свои ситцы,
Песню напевая мне одну.
И под звуки этой песни грустной
Вспоминаю молодость свою,
Как когда-то юными мы были,
В дальние походы уходили,
Под гитару песни петь любили
И мечтали подвиг совершить.
Нам казалось, вечно будем молодыми
И, конечно, вечно будем жить...

С весною сравнится босоногое детство.
Ох, и трудные были детства года!
Тех послевоенных дней и детей
Нам не забыть никогда.
С летом юность пришла,
Расцвела, как летний денёк,
Взрослые заботы всем принесла
И горит, словно маков цветок.
Отцвели и отлюбили...
Осенняя пора уж пришла.
Наступает зрелый возраст,
О жизни прожитой говоря.
И зима уж на пороге,
Не вернуть мне ту весну,
Хоть и прожиты многие годы,
Может быть ещё поживу.
Но мне некуда больше спешить,
Что могла, другим отдала,
Но ещё очень хочется жить,
Чтоб другим полезно быть.

Лесное озеро

Словно озеро лежит,
Меж берёзок озеро лесное.
Лес за ним стеной стоит,
Одев, убранство золотое.
Вокруг сосны-великаны
Встали дружно в хоровод,
Берёзки в белых сарафанах
Вышли к озеру вперёд.
Смотрят в озеро с тоской,
Скоро голым им стоять
И суровою зимой
От холода дрожать.
Ветерок вдруг набежал
И деревья зашумели,
Тонкими ветвями заиграл
В озеро листочки полетели.
Летят золотые листочки,

Озера гладь засыпают,
Словно девичьи слезинки
Листву берёзки роняют.
Не грустите, милые берёзки,
За зимой весна придёт.
Не роняйте свои слёзки,
Весной природа расцветёт!

День Победы

Сегодня ликует народ
И радость на всех одна.
Победных салютов взлёт
Встречает наша страна.

Площадь народу полна
И слёзы, и радость у всех.
Там русская песня слышна
И звонкий девичий смех.

Кругом поцелуи, объятия
И слышатся крики «Ура!»,
Весёлые звуки гармошки,
Задорный пляс до утра.

Летят в небеса фуражки,
Трепещут косынки девчат
И дарят девчонки ромашки
Фронтовикам всем подряд.

Вместе с народом природа
Шлёт поздравленья свои.
Под голубым небосводом
Солнышко дарит лучи.

И машет сирень душистою веткой,
Кругом ароматом пьянит,
Черёмуха белой кокеткой
«Спасибо» бойцам говорит.

Спасибо тому, кто сражался,
Не предал Отчизну свою,
Пред Родиной-матерью клялся
Врага победить в бою.

Пусть солнце сияет над миром,
А нам не забыть никогда
Тех, кто в сырых могилах
Остались лежать навсегда!

О моей маме

Нет на земле души добрее,
Милее мамочки моей.
Прижалась бы к плечу родному
И целовала б нежно руки ей.

Но нет её на этом свете,
Она ушла уж в мир иной,
Но помню я морщинки эти,
Волну волос с вплетённой сединой.

Она теплом всех согревала,
Всегда готова жертвовать собой,
Детишкам слёзы утирала
И берегла семьи покой.

И мы, как птицы, разлетелись
Из-под её надёжного крыла,
А мамочка о детках тосковала
И восточку от нас всегда ждала.

Я помню мамины натруженные руки,
Как обнимали с материнской теплотой.
В объятьях ласковых, надёжных
Вдруг наступал в душе покой.

Как хочется, что бы жила ты вечно,
Любимая, родная мамочка моя.

За всё, за всё тебя благодарить,
Прощенья за обиды попросить.

Сказать слова любви и нежности
И боль души своей открыть,
И поделиться наступившей радостью,
И просто рядышком побыть.

Так берегите матерей, пока живые,
Чтобы потом об этом не жалеть.
Заботой и любовью окружите.
Не заставляйте их страдать и плакать
И ваше невнимание терпеть!

Воспоминания о матери

Чёрное небо, звезда голубая,
За окном – морозная стынь.
Мама, я снова тебя вспоминаю,
Глаз твоих небесную синь.
Это душа твоя яркой звездой
Светит надеждой на долгом пути.
След её добрый дорогой прямою
Мне помогает по жизни идти.
Часто смотрю на звезду я, родная,
Вижу в ней отблеск ласковых глаз.
Помню улыбку твою, дорогая.
Помню и твой материнский наказ.
Ты научила быть доброй и сильной,
Людям, попавшим в беду, помогать.
Ты говорила: «Чтоб люди любили –
Нужно другим любовь отдавать».
В сердце несу я твой образ любимый,
Нежную ласку и щедрость души.
Если печально, тревожно, тоскливо,
Ты мне скупую слезу осуши.
Хочется мне на тебя быть похожей,
Милая, добрая, сильная мать,
Чтобы не быть в этой жизни прохожей
И для других свет любви излучать.

Красные маки

Красные маки над степью цветут,
Словно залита кровью земля.
Сражение великое было тут,
Когда по земле шла война.
Кажутся мне далёкие звуки боёв,
Эхом доносятся крики «Ура!»
Видятся ползущие танки врагов,
Здесь проходило сражение тогда.
Кругом полыхает от взрывов земля,
Кажется, небо повсюду горит.
Русский солдат не боится огня,
Он за Отчизну насмерть стоит.
Дан был из штаба новый приказ:
Дальше врага нельзя пропустить!
Родина-мать даёт свой наказ:
Фашистов в степи остановить!
Наши защитники шли вперёд,
Кровь проливая в смертельном бою.
Вот юный солдат с гранатой ползёт,
Преследуя главную цель свою.
Вражеский танк нужно подбить
И задержать движение пехот,
К нашим окопам его не пустить,
Смело в атаку идти вперёд.
Гранату метнув, он в цель попал
И танк загорелся, дымом объят...
Вдруг наш солдат на землю упал,
С ним десяток немецких солдат.
Погибло много русских бойцов,
Но не пропустили они врага.
Летели снаряды со всех концов,
Оставив павших в бою навсегда...
В степи той сегодня маки цветут
И буйные ветры гуляют.
О том сражении, что было тут,
Алым цветеньем напоминают.

ТАМАРА АРБАТСКАЯ

Родилась в Забайкальском крае. Стихи начала писать в школьные годы. Писать рассказы, заметки, стихи начала в 1977 году, которые печатались в районных и областных газетах, ещё одним из увлечений является живопись. Картины выставлялись в выставочном центре г. Читы в 2008-2009 году, в Красноярске и на местных выставках. Размещает свои работы на литературных и художественных интернет-ресурсах. Печаталась в альманахе «Сибирская лира» № 2 (2018 г.), № 3 (2019 г.), «Стрежень» на Енисее» (2019 г.). Руководитель литобъединения «Вдохновение».

Страшный сон

1.

На окраине небольшой деревушки, возле дремучей тайги, стояла маленькая избушка с маленькими покосившимися окнами. Проредившаяся, с подпорками, изгородь, почерневшие от времени с прозеленью моха доски на крыше, скрипучая калитка, всё указывало на то, что в доме нет хозяина. Так оно и было. Шла война. В избушке жила пожилая, лет пятидесяти, рано поседевшая женщина по имени Мария со своей дочуркой, восьмилетней белокурой Галей. Муж Марии вместе со своими односельчанами - мужчинами защищал свою Родину от фашистских захватчиков, в селе остались лишь старики, женщины и дети.

С раннего утра и до поздней ночи Мария работала в поле, где жали и молотили пшеницу, ячмень и овёс, Галя ходила в школу. В редкие свободные минуты к ним заходили соседи, поговорив о своем житье-бытье, они уходили, и в домике вновь воцарялась тишина, изредка нарушаемая стрекотанием

сверчка спрятавшегося под русской печью да звонким смехом и рассказами дочки. Вечером, сделав все свои дела, Мария садилась вязать носки и варежки для фронта и за работой пела старинные, протяжные песни. Галя, лёжа на кровати с широко раскрытыми глазами, внимательно слушала маму и засыпала под эти мелодии.

Как-то раз, в глубокий осенний вечер Мария засиделась за работой и не заметила, что задремала, спицы выпали из рук, клубок укатился под кровать. Ей привиделось, будто бы они сели за стол ужинать, а в доме не оказалось хлеба.

– Доченька, побудь немного дома, я схожу к Фае, займу немного хлеба, если, конечно, посидишь?

– Конечно, мамочка, не беспокойся, я с Тимкой посижу, а ты иди и быстрее возвращайся.

– Я скоро туда и обратно, не бойся. – Она торопливо накинула телогрейку и вышла на улицу. Была зима. Дул холодный, жёсткий ветер, колючие снежинки били в лицо и таяли. Мария шла быстро, но на берегу речки вдруг остановилась, глядя на темнеющие горы и полыхающий в полнеба закат. Залюбовавшись красотой уходящего дня, глубоко вздохнула и неожиданно для себя тихонько взлетела, тело вдруг стало лёгким, лёгким, словно пушинка полетела она над речкой. Огромная радость охватила её, никогда доселе не испытывала она такого чувства свободы и освобождения от земных хлопот, обязанностей и мук. Мария медленно летела над речкой, над деревней, забыв обо всём на свете, поэтому услышав в надвигающихся сумерках внизу крики людей, вначале не поняла, что случилось, но затем ужаснулась: «Господи, что со мной, не пойму!»

Толпа людей с криками:

– Смотрите, смотрите, ведьма летит, бейте её. – И с остервенением начали кидать в неё камни, один попал ей в грудь, Мария вскрикнула от боли и земля понеслась ей навстречу.

– Люди! Я не виновата, я сама не понимаю, что случилось со мной! Вы уж простите меня!

Но никто не слышал её вскриков, град камней летел к ней и каждый камень бил и убивал. Когда толпа опомнилась, то было уже поздно о чём то сожалеть, окровавленный труп Марии лежал в сугробе и кровь струйками сбегала на снег.

– Свят, свят, – торопливо крестились селяне, в страхе разбегаясь по домам. Мела метель, завывал ветер в глубине чёрного неба. Была зима.

Мария, вздрогнув, от ужаса проснулась,

– Что мне за кошмар приснился, дай Господи, чтоб всё было хорошо. – А в груди, колотилось сердце и ныла душа.

2.

В давно небеленой конторе, прокопчённой от табачного дыма, со скрипучими дощатыми половицами, старательно выскобленными Еремеевной, рано утром на раскомандировку собрались девушки, женщины, старики, подростки, мужики, на которых была распространена бронь. Махорочный дым синеватыми змейками растекался по комнатам. Собравшиеся сидели на лавках, которые стояли возле стен. На стене висели портреты Ленина и Сталина, графики выполнения планов по сдаче зерна за прошлые годы, а возле окна стол, застланный клеёнкой. Открылась дверь, вошёл бригадир Михеич, плотный, кряжистый, с черными широкими бровями и начальник участка Александр Головинов.

– Ну, что ж, граждане, товарищи, – произнёс Головинов, – под Москвой наши войска бьются насмерть, гибнут солдаты, защищая столицу и нашу Родину от немецко-фашистских захватчиков, а мы здесь должны ударно работать, поставляя зерно и мясо фронту, чтоб не голодали там наши солдаты.

– Правильно говоришь, – зашумели собравшиеся.

– Постараемся работать лучше, – Головинов переждал, когда стихнет шум и продолжил: – В районе идет уборка урожая, колхоз наш не на последнем месте в районе, как вы знаете. Нам всем необходимо собраться с силами и ускорить жатву, так требует райком партии. Сейчас Георгий Михайлович распределит, кто куда пойдёт на работу. – Присел на стул и начал писать в журнале, изредка взглядывая на окружающих потемневшими глазами. Михеич производственные вопросы решил быстро. Вскоре контора опустела, только счетовод Василий Егорович считал, бросая косточки на потемневших от времени счётах, да муха нарушая тишину, билась о стекло.

– Бабочки-красотки, полезайте на телегу, подвезу вас до поля, мне в том же направлении ехать, – прогудел в усы седовласый, лет семидесяти дед Максим, в обтрёпанной, выдавшей виды гимнастёрке. Многие шутили: «Дедок, ты её, наверно, с гражданской войны носишь?». Максим молча раскуривал деревянную, потемневшую от времени трубку. Взглядывал из-под мохнатых бровей на собеседника и улыбался в усы, дескать, «мели Емеля, твоя неделя». Женщины со смехом расположились на телеге.

– Ну, дед, поехали. – Максим легонько тронул вожжи. Галя, крепкая, рыжеволосая девушка, лет шестнадцати, с зелёными глазами, предложила:

- Давайте spoём, вы не против?
- Конечно, нет, запевай.
- В «Землянке» знаете?
- Ты пой, а мы подтянем.

Девушка начала выводить первые слова песни, Клава, Валя и Федора подхватили. Мария безучастно слушала подруг.

– Ты что такая нерадостная?

– Случилось что, расскажи.

– Ничего не случилось, просто сон видела плохой, в груди ноет, кажется что то должно случится, предчувствие плохое.

– Не обращай, подумаешь какой – то сон, всяких видишь, не все исполняются.

– Ох, девоньки, как не обращать внимания, тошно мне.

– Расскажи, что ты видела во сне? – поинтересовалась Валя.

– Потом расскажу, – отрешённо ответила Мария.

Лошадь медленно бежала по просёлочной дороге, изредка всхрапывая. Солнце поднялось над горами, лёгкий ветерок охлаждал. Птицы многоголосым хором поют в лесной гуще, лес шумит под напором ветерка мелодичным шелестом листвы. Высоко в небе летят облака, да прокричит ворон над верхушками деревьев «кар, кар» и повторяет этот крик эхо. Дед Максим между тем раскурил трубку и сказал:

– Бабоньки вы мои, сны всякие бывают, иногда сбываются. Воевал я в Первую мировую, били немца и как-то раз после боя, пристал сильно, обустроился в окопе поудобнее и не заметил

как уснул, вижу, идёт моя Евдокия без платка, с распущенными волосами, с ребёнком на руках, а глаза у неё синие-пресиние, так и светятся, и говорит мне: «Родимый мой, уйди отсюда быстрее». Сказала и растаяла, как будто её и не было, проснулся и перебрался в траншею, немного погодя в этот окоп попал снаряд и взорвался, вовремя меня моя Дуся разбудила и я ушёл из окопа. – Дед как бы невзначай потёр глаза и глухо произнёс: – Вот так, девоньки, иногда бывает, что только и не приснится. Живем мы и не понимаем часто, что да почему.

Впереди между деревьями зажелтело поле. Тяжёлые колосья пшеницы качались под напором ветерка, наклоняясь к земле, казалось, по полю катились волны.

– Вот и приехали, слазьте, а я дальше поеду, мне моху надо надрать, телятник к зиме приказано утеплить, а вы уж здесь работайте.

– Дед, не беспокойся, все будет как надо, езжай.

Дед тронул вожжами и вскоре скрылся за поворотом.

– Вещички кладите сюда. – Федора положила мешок под куст, провела пальцем по лезвию серпа. – Вроде острый, ну, пойдёмте, поработаем.

Женщины разбрелись по пшеничному полю, быстро срезая серпами тяжёлые колосья, связывая их в снопы и составляя их в скирды. Солнце поднялось довольно высоко над горизонтом, наконец, разогнув усталые спины и смахнув с лица струйки тяжёлого липкого пота, женщины, усевшись под раскидистый куст черёмухи, принялись за обед, вынув из вещмешков немудреные продукты: картошку, огурцы. Разожгли костёр, в манерке вскипятили чай.

– Вы слышали, что случилось с Дёмихой? – спросила Клава, поблёскивая черными глазами.

– Я не слышала, расскажи, – попросила Федора.

– Представьте, вчера приехали милиционеры и забрали её в район. Ветлугин увидел, что она с поля в фартуке несла около килограмма пшеницы, обмяла её с колосьев, хотела ребёнка покормить, он доложил председателю, тот позвонил в район, вот такие дела.

– Ох, – вздохнула Мария, – куда ж её ребёночка дели, Коле всего три годика исполнилось, наверно, сестра Вера забрала?

– Да, ей пришлось взять его. Жизнь наша, к ней жмись, она корчится. Наталью за что посадили? За горсть пшеницы десять лет дали! Её троих детей увезли в детдом, за что?– Клава заплакала. Все молчали, настроение испортилось. – Вся наша жизнь, как страшный сон, много ли мы видели хорошего? Нет, мало, возможно я не права. Только вы молчите. Никому не говорите о том, что я вам тут болтаю.

– Не дураки, сами понимаем, что к чему, не переживай.

– Иван мой воюет под Москвой, бои тяжёлые, много людей гибнет, как я боюсь за него, душа болит, – Клава платком вытерла набежавшие слёзы,

– Гриша тебе пишет или нет? – спросила Мария у Вали.

– Было письмо, в госпитале лежит, ранило его, осколочное ранение в обе ноги, слава Богу, хоть жив остался.

– Это хорошо, что живой, – согласилась Мария. – А у меня Лёша под Ленинградом, бои идут днём и ночью, обстановка плохая там, по радио вы слышали наверно. Весточку недавно от него получила, переживает, как мы живём без него, а бабе без мужика легко разве? Трудновато, правда, сын помогает, он в доме за мужика, всё сделает по дому и в колхозе работает как надо, хотя ему только четырнадцать лет, – улыбаясь, рассказывала Клава.

– Действительно, у наших детей война отняла детство, что поделаешь, – вздохнула Мария.

– Галя, а ты успела нацеловаться? – задорно толкнула девушку Валя, та покраснела, взглянув на Валентину, смущённо отвернулась от неё. Клава неодобрительно заметила:

– Ну и бесстыдница ты, Валька, какие в её возрасте женихи! А потом. Все женихи на фронте, война неизвестно когда закончится, правда, Маша?

– Правда, сама знаешь.

– Не вешай носа, Машуля, живы будем, не помрём, дождёмся своих мужиков и заживём на славу.

– Как дела, женщины?– спросил подъехавший верхом на вороном коне Михеич. – Вижу, поработали вы хорошо, молодцы, – произнёс он, окинув взглядом сжатую часть поля.

– К нашему шалашу, чайку попейте,– пригласила его Федора.

– Попил бы с вами чаю, да некогда, ехать дальше надо на другие поля.

– Наше дело предложить, ваше отказаться, – засмеялись все, через несколько минут Михеич скрылся за поворотом.

– Хорошая работёнка у Михеича, ездить за бабами приглядывать, нет, чтобы с нами поработать.

– Каждому своё, кому работать, кому командовать, так было всегда и будет. Маша, ты нам про сон расскажи, обещала же.

Мария согласно кивнула головой, в груди похолодело, но пересилив себя, пересказала, что видела во сне.

– Не вижу ничего страшного и чего ты испугалась, наоборот увидеть кровь это к радости, а камни кидали все, не бросим мы тебя, знать в одном селе живём, все свои, почти родственники, а ты испугалась прямо вся, – Клава обняла её.

– Не переживай, ходи веселей, – пропела Федора, поправляя ситцевый платок, повязанный на голове.

– Снам верить нельзя, начни верить, вовсе с ума сойдёшь, – рассудительно произнесла Галя, внимательно слушающая старших. Все заулыбались.

– Ты права, деточка, а нам пора заканчивать чаи гонять, работать пора, а то Михеич ругаться будет.

Вновь разбрелись по полю. Мария привычно заученными движениями срезала пшеницу, перевязывала снопы, составляла их в скирды, изредка переговариваясь с подругами и вытирая пот с лица. Тяжко. От усталости ныла поясница, тёмные точки летали перед глазами. В вышине неба пели жаворонки, в траве стрекотали кузнечики. Полуденный зной, но никто с работы не уходил, потому что на фронте сражались их мужья, братья, сыновья, а они в тылу работали за них, во имя Победы. Придя домой, Мария поставила самовар, разожгла в нем угли, бросила щепок и вскоре самовар зашумел. Мария взяла подойник, но тут дверь открылась, вошла соседка Матвеевна с Галей.

– Мы пришли, если пошла доить, так иди, а мы похозяйничаем.

– Приду, чайку попью.

– Иди, я подожду.

Мария ушла во двор. Сделав все свои дела Мария, стала накрывать на стол.

– С известием я к тебе, почтальонша сегодня попросила передать тебе, – Матвеевна тяжело вздохнула, бережно вынула треугольник из кармана фартука, подала Марии.

– Сразу почему не отдала?

– Страшно, вдруг там плохое прописано, а ты ещё корову не подоила.

Мария развернула листок и строки поплыли у неё перед глазами: «Ваш муж, Калугин Иван Ильич, погиб смертью храбрых в боях под Москвой». Очнулась Мария, не понимая, что случилось. Вспомнив, закричала, завывала в безудержном горе. Матвеевна и Галя плакали возле неё.

– Поплачь, Маша, поплачь, легче будет, вылей слезами горе из груди. Иван твой нас защищал, многие погибли, знать, судьба, судьбинушка твоя такая, – уговаривала её Матвеевна, утирая слёзы.

Горел закат, сияли алым пламенем облака. Наступала ночь....

2010 г.

Художник

«Художник, что рисует дождь» –
Животворящее мгновенье,
Его великое творенье
Запомнит наше поколенье.

Вершины гор в тумане тают
И волны серебром играют
От дуновенья ветерка,
Осинка над рекой одна.

Ложится красками на холст:
Движенье ветра, шум дождя,
Невыполнимая мечта.
Кисть – как волшебная струна.

2019 г.

ЛЕТО

Лето пробежало мимо окон
По искристым лужам босиком,
Поиграло с ветром тихо, тихо
Ярким звёздно-солнечным лучом.

Пролетело птицей над горами
И над изумрудными долами.
Жеребёнком проскакало в поле
По своей невыдуманной воле.

Проходило лето по тропинке
И зайчонка гладило по спинке.
Укрывало тёмным покрывалом
Двух влюблённых под седым увалом.

И алели гроздья у рябины,
И дрожали ветки у осины.
Пробежало лето мимо окон
И умчалось в золотую осень.

2019 г.

Степь, как сказка, в зареве заката,
Нежные от зелени пшеничные поля,
В дымке фиолетовой дальние леса,
Чуть дрожащие от испаренья влаги.

Солнца луч пробьёт сиреневую тучу
И внезапно озарится мир большой,
В небе взяв невидимую кручу,
Загорится радуга дугой.

Извиваясь тонкой серой лентой
Средь степных просторов, бесконечно,
Тянется, бежит, бросаясь в небо,
От дождей блестящая дорога.

2009 г.

ЛЮДМИЛА БАШКИРОВА

Стихи пишет с детства. Её жизненный и трудовой путь богат и разнообразен: целина, молодёжная стройка, авиазавод, позже – детские сады, санаторий, Дома культуры. На её творчество повлияло география проживания: Бурятия, Оренбуржье, Красноярский край. Много лет работает в культуре, постоянно пишет сценарии постановок, спектаклей, вечеров, концертных программ. Издала сборники своих стихов: «Сила духа», «Легенды Саян», «Легенды и были», «Четыре счастья», «Я не поэт, я стихотворец», «Сказки бабушки Милы».

Сказание о реке Шуша

Не верят уж легендам, сказкам,
Мол, сказка ложь, да в ней намек,
В легендах хоть и есть подсказка,
Но не всегда урок нам впрок.
Давно, наверно, это было,
Когда в горах жил тот народ,
Все даты, как волною, смыло,
Легенда до сих пор живет.
И говорят, что в том народе
Все от детей до стариков
Старались жить как часть природы
На протяжении веков.
Шу-шу – тайга шумела кроной,
Шу-шу – шуршал камыш речной,
Ш-Ш-ш – березняк листвою зеленой
Под ветром шелестел весной.
Шу-шу – волна в ночи шептала.
Так шло века из года в год,
Природа людям подсказала
Шу-шу назвать свой древний род.
И жил тот род, не зная горя,

Одной большой семьёй своей,
Была охота им подспорьем,
Рожали женщины детей.
О дочках женщины мечтали,
Мужчины все о сыновьях,
И дети быстро подрастали,
Так продолжался род в веках.
Жена вождя рода Ясина
Не молодою уж была,
Вождя любила, только сына
Она ему не родила.
Конечно, в том роду знал каждый,
Вождю уже немало лет.
Собрав сородичей однажды,
Открыл он им большой секрет:
«Под кедром раз я безмятежно
В тиши таежной задремал.
Услышал разговор медвежий,
Зверей я с детства понимал.
Тогда медведице поведал
На языке своем медведь,
Что радость ждет меня и беды,
Каких не сможем одолеть.
Когда придёт день самый длинный,
Когда короткой станет ночь,
Моя жена, моя Ясина
Не сына мне родит, а дочь.
Обычай наш я не нарушу
И не обижу свой народ,
Хочу назвать дочурку Шушей,
Пусть в ней продолжится наш род.
Про беды говорить не стану,
Скажу, когда придёт черед,
Пока печалиться нам рано
И жизнь, как прежде, пусть идет».
Как вождь сказал, так все случилось,
Ясина дочку родила.
А та на свет как появилась,

Так имя Шуша обрела.
Мелькали дни, менялись зимы,
И расцветала дочь вождя.
Красу свою от мест родимых,
От солнца, ветра и дождя
Как будто с молоком впитала,
Всем была Шуша хороша,
Но черствой, гордою не стала,
Была добра ее душа.
Своей души в ней вождь не чаял,
Ее безумно он любил.
Все меньше, меньше спал ночами,
Про предсказанье не забыл.
Но время даром не потратил,
Учил защите свой народ.
И все случилось на закате,
Когда пришёл тот страшный год.
Войска кочевников джунгаров
Пожаловали как в свой дом.
И темной ночью свет пожаров
Все осветил как будто днём.
Их численность была великой,
Безмерной злоба их была.
Стон, детский плач и крики,
Три дня, три ночи битва шла.
В живых осталось лишь пятнадцать,
Погоня в горы их гнала.
Им от врагов не оторваться,
Решенье Шуша приняла.
– Нет убежать нам не годится,
Здесь наш народ и отчий дом.
Придётся нам с врагом сразиться
И, если надо, здесь умрём.
О небо! – Шуша закричала,
Врагов вокруг не сосчитать,
Тебя прошу я лишь о малом,
Позволь водою чистой стать.
Коль мы погибнем, тела наши

Единой станут пусть рекой.
Средь гор лесов, полей и пашен
Так обретём мы свой покой.
Земля поила и кормила
Веками славный наш народ.
Река умножит ее силу,
В реке продолжит жить наш род.
И все пятнадцать смело встали,
Плечом к плечу, так до темна
Они атаки отбивали,
Но вот Шушу совсем одна.
Она мечом врага крошила,
Но ей не справиться одной.
Врагов отвагой покорила
И своей редкой красотой.
Они ее живой решили
Во что бы то ни стало взять,
Но тщетны их старанья были,
Шушу живой им не видать.
Джунгары все плотней сжимали
Вокруг Шушу кольцо, ну что ж!
Она без страха и печали
Воткнула прямо в сердце нож,
Слезами небо умывалось,
Лил дождь два месяца подряд.
Джунгарам только оставалось
Уйти из этих мест назад.
Скажу, легенды не нарушив,
Не знаю, сколько уж веков,
Сливаются здесь в речку Шу-шу,
Десятки разных ручейков.
Шу-шу – шумят деревья кроной,
Шу-шу – шуршит камыш речной,
Ш-Ш-ш – березняк листвой зеленой
Под ветром шелестит весной.
И шепот волн речных над илом,
И шорох трав у тихих вод.
Природа людям сохранила
Предание про древний род.

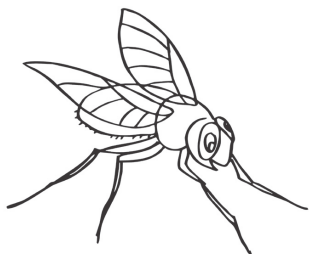

Пчела и муха

Когда пора тепла пришла
В саду, растениями богатом,
Мелиса пышно расцвела,
Та, что зовут лимонной мятой.
Трудолюбивая пчела
Нектар цветочный собирала,
Ну, а в беседке со стола
За нею муха наблюдала.
И, приподняв свой хоботок.
Ей муха молвила: «Сестрица,
Да на такой бы я цветок
И ввек не стала бы садиться.
Он так невзрачен, отродясь,
Им не пристало любоваться.
Вот то ли дело мусор, грязь,
Там есть в чем вдоволь покопаться.
И начала перечислять
Пчеле помойки, где бывала,
Что удалось ей там узнать,
Чего наелась до отвала.

Тут, мухе возразив, пчела
В ответ сердито прожужжала:
«Я в том цветке нектар нашла,
Что не красив, не замечала,
А из его нектара мед
И слаще и других вкуснее.
И пусть невзрачно он цветет,
Но польза от него важнее.
Тебя же, муха, не спрошу,
Где мне летать, скажу так сразу –
Я людям радость приношу.
А ты приносишь лишь заразу».

*Одних мы судим по делам,
Других по облику и слухам.
Среди людей, скажу я вам,
Есть, как и пчелы, так и мухи.*

*Одни не видят красоты,
В грязи копаться у них дар,
Другие средь болот цветы
Отыщут, соберут нектар.*

Церковь

«ВОЗНЕСЕНИЕ ХРИСТОВО»

Церковь «ВОЗНЕСЕНИЕ ХРИСТОВО»

На краю старинного села
Куполами засияла снова.
И надежду новую дала.
Нет, не зачерствеют наши души,
Не исчезнет вера, доброта.
Звон монет нам не заложит уши,
Если будем верить во Христа.
Приходите в церковь и молитесь
За себя, за близких и родных.
Причащайтесь чаще и креститесь,
Ведь для Бога нет детей чужих.
И совета у него спросите,
Если нужен вам Его совет.
Просто в церковь чаще приходите
И на все найдёте вы ответ.
Хватит всем любви Христовой.
И не важно, беден ли, богат.
У Него для каждого есть слово,
Что ценнее хлеба во сто крат.
И гордитесь тем, что на потребу
Церковь есть у нашего села.
На шатрах здесь маковками в небо
Смотрят золотые купола.
Церковь «ВОЗНЕСЕНИЕ ХРИСТОВО»
Гордо над землею поднялась.
Труд и Вера, Божье слово
Сохранят времен и поколений связь!!!

ЛЮДМИЛА БЕЛЯКИНА

Родилась в 1947 году. Окончила Сибирский технологический университет по специальности инженер-технолог. Стихи начала писать ещё в юности. Печаталась в альманахе «Сибирская лира» № 3 (2019 г.)

*Поэт стихами говорит,
Художник кистью мир творит...
И всё прекрасно в мире том.
Поэт, художник –
Два в одном!*

Я поздравляю вас, друзья,
Что здесь мы собрались.
Другим совсем не повезло –
Они не родились!

Отцы пришли с войны домой,
Кто покалечен, кто больной.
Но мы-то с вами родились
Уже после войны такой!

А наши матери?!
Они как вкалывали
В дни войны?
Не видели детей порой
С весны и до зимы глухой.

Кто у станка едва стоял,
Кто сутками держал штурвал
Комбайна, трактора, машин,
Кто заменил во всём мужчин.

Мы помним вас, отцы и деды,
И матерей, что день и ночь

В тылу сражались за победу.
Мы всех вас помним, чтим и любим.
За жизнь – спасибо, не забудем
Мы вас нигде и никогда,
В сердцах у нас вы навсегда!

2018 г.

Мне казалось: всё давно забыто,
Всё прошло и не вернуть любовь.
Сердце для желаний вновь открыто,
Запылает жаркой страстью вновь.

Но не просто в давнее уходят
Годы первой искренней любви.
И за то, что не могу забыть я,
За минуту этой слабости – прости...

Ты скажи мне, что всё это сон.
Ты скажи, когда кончится он
И когда же опять обниму я тебя,
Нежной лаской согрею любя?

Но напрасно забыть всё
Усталое сердце стремится.
Ты уже не придёшь,
Даже чтобы всего лишь проститься...
1967 г.

... И ждать тебя уже я так устала,
И жизнь, казалось, чертит блеклые штрихи.
Ни ярких чувств, ни пламенных желаний,
И алый парус мой был до сих пор в пути.

... А принц, что в снах ко мне приходит?
Он так далёк и так несбыточны мечты.
И в этой паутине дней, и в тягостном томленье
Ты – яркий лучик мой, надежды свет, моё спасенье!

В толпе бесцветной и неинтересной
Мелькнул мой неразгаданный алмаз.
Чем покори́л меня, самой мне неизвестно.
Загадка, наважденье, Божий глас?!

Пройдёт и это, как проходит всё!
Мы встретились с тобою в «бабье лето»,
Но каждый год кончается оно,
Чтоб дать дорогу ледяному ветру.

Уеду я на край земли,
Задумано так было прежде.
Но не забуду солнечные дни,
Не дам угаснуть радостной надежде.

Ты самый нежный, самый лучший мой.
Не дай рассыпаться прекрасному мгновенью.
Я буду вспоминать минуту каждую с тобой,
Куда б ни занесло меня судьбы вельенье.

30.09.1988

Дорогой подруге-однокласснице

Казалось, будто бы вчера
С тобой, подруга, мы расстались.
Как так случилось, столько лет
Не виделись и не встречались?

Тихонько старимся вдали
Десятки лет мы друг от друга.
Иных уж кончились пути –
Сошли с дистанций жизни круга.

В душе смятение...
В альбом смотрю, как будто жизнь листаю.
Тебя увидеть и обнять
Ещё хотя бы раз мечтаю.

Прости, что редко я пишу.
Прости, что жизнь нас разлучила,
Но в мыслях встречи я ищу
И Божий знак я получила.

С тобой мы встретимся ещё –
Не может быть, чтоб не свидались.
И кажется порою мне:
Вчера как будто мы расстались...

1996 г.

Когда-то вдруг бы мне сказали,
Что буду жить я без тебя:
Сомкнулся б круг существованья
И жизнь покинула б меня.

Но, видишь, друг мой, лет десятки
Мы друг от друга вдалеке.
И думаю теперь я часто:
«Пришли к финалу «налегке».

2005 г.

На С-Ш водохранилище. Июль 2009 г.

Как поле боя мертвецами,
Усыпан берег топляками.
Один причудливей другого.
... Вот леший косится сурово!
А то – скелет убитой птицы
Костями белыми светится.
Природа человеку мстит!
Здесь ангел в небе не парит
И не привидится жар-птица.
Лишь леший сам с собой бесится.
Коряги, пни, обломки, палки –
Всё жутких форм, всё в жутком танце!

Гремит костями, бывший лес...
Зачем ты, человек, залез
В чарующий покой природы?
Теперь смотри: проходят годы,
Картина тлена всё страшней.
Её ведь в землю не зароешь
И жути мертвенной не скроешь.

У каждого свой жизни путь.
Судьбу никак не обмануть.
Не проживёшь жизнь за детей...
И не казись, и слёз не лей.

И нету в том твоей вины:
Все дни у нас предрешены.
Как быть тому и будет то...
И не изменишь ничего!

И от тоски ты не сгорай,
За Бога жизни не решай!

Осень, осень! Лист уносит.
Отцвели давно цветы.
А душа всё песни просит,
Но не встретился мне ты.

Я всю жизнь ждала, мечтала
О тебе, мой дорогой!
Где ж дороги разминулись?
Мы не встретились с тобой.

Я во снах своих и грёзах
Всё мечтала о тебе.
Жизнь проходит. Уже поздно!
Ты приходишь лишь во сне.

Облетают листья с ветки
Словно память о тебе.
Небо тучи укрывают.
Время катится к зиме.

2019 г.

Зачем ты в мир приходишь, человек?
Чтоб лямку жизни протянуть бездарно?
Иль гением блеснуть, прославиться вовек?
Или в грехах погрязть,
Да и дотлеть угарно.

Нам каждому нелегкий выпал путь...
Иной богат, силен, удачлив.
Но так бывает, что и он
Над горькой долею своей заплачет.

Другие люди есть, они
Для испытанья в мир явились,
За что им выпал тяжкий крест?
Таких боялись, сторонились.

Блаженны, странны иль больны
Не мира этого посланцы.
Терновый мерят путь они
Иль кружат в сумасшедшем танце.

Не оттолкни их, человек!
По ним тебя сверяет Боже.
А коль обидишь, твоих бед
Судьба во сто крат приумножит.
Ноябрь 2008 г.

Не презирай чужую бедность!
Пока не твой это удел.
Пока ещё благополучен
И кошелёк не оскудел.

Не презирай чужую бедность!
В беде ты лучше помоги
Тому, чей дом ещё не крепость
И вечно мается в пути.

Не презирай чужую бедность!
Тебе Господь богатство дал,
Чтоб даже, если обеднел ты,
Пятак последний бы отдал.

Ведь деньги – это испытанье,
И пусть их у тебя мешок,
С собой его не унесёшь ты,
Когда уйти придёт твой срок.

Не презирай чужую бедность!
И коль друзей она нашла,
Им всё равно храни ты верность,
И обойдёт тебя беда.

С небес всё видно!
Милость Божья
Сквозь твои руки снизойдёт.
И сколь отдашь ты,
Ещё больше
Господь дающему вернёт!

2017 г.

А ты ни о чём не думай,
А ты ни о чём не грусти
И горькое чувство сомненья,
Как птицу в полёт отпусти.
Не мучай себя временами
Ты тяжкою думой о том,
Что было бы лучше, наверно,
Покой обрести и во всём
Примерно, усердно и робко

Оставшийся путь прошагать.
Истлеть, обмануться, проснуться
И с ужасом всё же понять,
Что к прошлому нет уж возврата,
Что в ярком костре не пылать,
Любовью огромной согретой,
Любимому рук не подать.
Не сжечь его в пламени жарком
Своих нерастрченных чувств,
Когда в исступлении сладком
Ему всю себя отдаю.
А может быть, это минуты,
А может, потом будет жутко,
А может, меня он разлюбит?
Остынет, отвергнет ... как знать?
06.01.1976

В заповеднике был случай,
В книгу Гиннеса внесён
(Кто не верит, пусть заглянет,
На странице сотой он).

Вот собралися ребята
Как-то раз в тайгу пойти
На учеты, на охоту или, может, по грибы?
Но зимою дело было,
Точно помню, был рассказ,
Что снежищи навалило,
Не пролезешь так-то враз.

Ну, пришли они в избушку,
Развели в печи огонь.
Заварганили супишку
Да по стопочке на сон.

Чтой-то Димке вдруг не спиться,
Как-то в пузе не комфорт,

Ну, решил до ветру сбегать,
То есть будто бы во двор.

Вышел, звезды в небе светят,
Супротив сортир стоит,
Для порядку был построен,
По нужде всяк в куст бежит.

Димка же в таежном деле
Небольшой знаток пока,
В вузе тоже не сказали,
Если что, бежать куда.

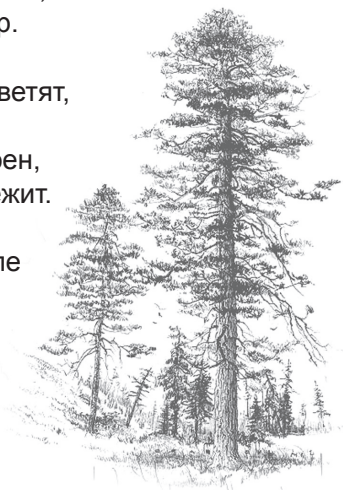
Ну, а раз такое дело –
Вот строение стоит.
Парень, ловко примостившись,
Призадумавшись, сидит.

«Что ж такого я покушал,
Что ж не то я вдруг попил?
Среди ночи теперь бегай.
Хоть бы леший не схватил!»

Только Димка так подумал,
Вдруг как кто-то засопит,
Головёшкой покрутил он:
«Может, мой живот урчит?»

Поскорей штаны надёрнул
Да в избушку ходом – шашть!
Хоть бы только не запнуться
Да с тропинки не упасть!

Димка лег себе на лавку
Хочет спать, опять не в мочь,
Надо снова подниматься
И ломиться в звёздную ночь.

Вот опять сидит в сортире
Что за напасть – снова рык.
Парень шибко испугался,
Он к такому не привык.

Но нужду он всё же справил,
Вновь в избушку он бежит,
Чтобы дивом поделиться
И загадку разрешить.

Но ребята отмахнулись:
«Спи ты, дурень, не ори,
Только утолклись, уснули.
Потерпи хоть до зари».

Но не спится что-то парню:
«Честно, кто-то там сопит!» –
«Ну, пойдёмте, уж посмотрим,
Спать не даст ведь, паразит».

По фонарику схватили
И к сортиру побрели –
«Галюны тебя доби́ли,
Иль чего объелся ты?»

Посветили в ямку эту
(Неглубокая была),
Мать честная! Вот-те здрасьте!
Чьи-то светятся глаза!

Кто-то там сопит угрюмо
И как будто бы ворчит.
Тут уж явно не до смеха,
Медведица ведь лежит!

И ведь как только стерпела
Всех достоинств не лишить,

Оторвать могла б всё разом,
А потом ведь не пришить!

Ошарашены ребята:
Чёрт-те что тайга творит,
И чего это медведь тот
По берлогам не лежит?!
Нет, давай ему сортиры,
А долбили для себя!
Да... напрасно всё же, мишка,
Притащился ты сюда.

Что с мамашкой не сиделось
Под каким-нибудь кустом,
Иль корягой, или в ямке,
Или где-нибудь ещё?

Призадумались ребята,
Пораскинули мозги,
Покурили, посудили
И к решению пришли:
То конфликт был поколений,
Всем в берлоге места нет!
И не жалко было мамке
Вытолкать детёнка в лес.

Тот пошарился немножко,
Домик с ямкою нашёл,
Попримерился, прижился,
Дальше рыскать не пошёл.
Тут решил весны дожждаться,
Что ему ещё искать!

Ну, поплакал, может, сколько
И залёг надолго спать.
И совсем тут не причём он,
Что кого-то чёрт принёс,
И чего-то обожрались,
Прохватил потом понос.

Он в тайге своей хозяин,
А пришёл к нему ты в лес,
Знай, в медвежье владенье
Своим задом ты не лезь!
Да ещё скажи спасибо,
Что он всё не оторвал,
А не то ещё бы долго
Свою маму громко звал.

Ну, на том и разошлись,
Медвежонок – человек.
Димка, тот уж зарекался
Не ходить в сортир вовек.
Под кустом хоть оглядишься...
Хотя тоже, вроде, риск.
Он теперь пока боится
И мышонка тихий писк.

А на память это фото,
Хочешь – верь, а хочешь – нет.
Без ружья и без рогатин
Клал на зверя человек!

Ноябрь 2000 г.

Энергетическая пирамида

Этнические фестивали, проходившие у нас в Шушенском, в начале 2000 годов были зрелищные и грандиозные. Запруженные людскими потоками улицы и площадь, ведущие на остров отдыха, совсем не напоминали ту спокойную, несколько сонную жизнь, на этих же пространствах в другое время года. Эти три-четыре дня буквально потрясли наш небольшой посёлок, переживший годы

забвения, когда музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина» едва удержался в годы происходящих где-то в сердце страны «бархатных революций» и прочих потрясений, но вовремя преобразовался в историко-этнографический музей под открытым небом под названием «Шушенский историко-этнографический музей», показывающий жизнь сибирских крестьян на стыке XIX-XX веков, продолжая существовать и укреплять свои позиции.

Фестивали этнической музыки были для Шушенского, пребывавшего в спячке и потому почти никак не реагировавшего на разорение страны и района, серьёзной социальной встряской. Сельское хозяйство, на котором дотационно процветал район, почти полностью пришло в упадок. Промышленные, небольшого масштаба, предприятия закрылись. Строительство посёлка плавно перешло в частные руки. Всяк строил себе сам. Посёлок теперь строился не в виде больших домов-муравейников, а в основном прирастал красивыми коттеджами. Старые дома прихорашивались. Царил рынок. Настало полное изобилие строительных и отделочных материалов. Народ, истосковавшись по самостоятельности, ринулся строить и перестраивать, всяк на свой лад. А тут ещё фестиваль «Саянское кольцо» вернул посёлку известность и особый колорит. Шушенское снова зазвучало, как Шушенское. Вот в один из первых таких фестивалей, жюри, которого состояло из людей известных: Артемий Троицкий – известный музыкальный критик, был председателем жюри, несколько представителей зарубежных звукозаписывающих фирм из Чехии, Англии и других стран. Всю эту публику в перерывах между вечерними просмотрами нужно было развлекать и веселить. Администрация района собрала представителей соответствующих организаций, в том числе и туристических фирм. У меня в то время была тур. фирма под названием «Шушенское». Я предложила тур «В гостях у шушенских крестьян. Энергетическая пирамида в селе Ленск».

Это был самый популярный отработанный маршрут в программе «Развитие сельского туризма». Туристы всегда уезжали довольные радушным приёмом крестьян-фермеров из Ленска Екатерины Ивановны и Виктора Петровича Бычковых.

Ленск довольно отдалённое от Шушенского село. Находится ближе к предгорьям Западного Саяна. Место живописное, но глухое. Забытая Богом и людьми деревня и в добрые-то времена ничего из себя не представляла. А в начале 2000-х – полное запустение: разваленные покосившиеся избышки, дорога вся в ухабах, с небольшими остатками когда-то существовавшего щебёночного покрытия. И как остров неистребимого духа русского мужика-хозяина в Ленске же находилась образцово-показательная усадьба Бычковых. Во дворе, в доме, в мастерских, в огороде и саду Бычковых царил идеальный порядок чистота и уют. А приветливые и красивые, уже в возрасте хозяева внушали особое уважение. А главное – во дворе была построена энергетическая пирамида: сооружение из бетона, строго пирамидальной формы, вершиной своей ориентированная на созвездие Орион. Внутри пирамиды на самом деле чувствовалось присутствие какой-то подпитывающей, как будто из космоса, энергии. Хозяйка показывала свой погреб под пирамидой с рядами расположенных в идеальном порядке банок с соленьями, мореньями, вареньями. Овощи среди лета были совершенно свежего вида. Несколько групп наших туристов уже ездили в Ленск. Поэтому я настоятельно рекомендовала Андрею Катаеву, руководителю проекта «Саянское кольцо», ещё молодому, но очень шустрому молодому человеку поездку именно в Ленск.

И вот утром, на второй день фестиваля, мы везём группу столичных, заморских и красноярских гостей в Ленск. Дорога до с. Субботино – по асфальту довольно гладкая, места живописные. Автобус «Вольво» для нас тоже был редкость. Очень комфортабельный, но приученный к хорошим дорогам. Поворачиваем на дорогу в Ленск. Автобус теперь уже потряхивает – дорога – щебёнка. Но в автобусе атмосфера хорошая, кто досыпает, выступления этноколлективов заканчиваются за полночь. Барственно дремлет, заняв два кресла, Артемий Троицкий. Владелец английской звукозаписывающей фирмы, бледненький, с розовой кожей и белокурыми кудряшками господин в огромных очках прижал к груди сумку с аппаратурой и зорко смотрел по сторонам. Остальные негромко переговаривались.

А вот и Ленск. Автобус закачался на глубоких ухабах, но потихоньку продвигается вперёд. Качнувшись ещё раз два и даже затрещав, автобус остановился среди улицы, не доехав до усадьбы Бычковых километра полтора.

«Всё, – сказал водитель, – дальше не поеду. Мне еще вас обратно везти». Вся группа выгрузилась из автобуса. Место было самое что ни на есть живописное. Невдалеке стояла, может, единственная на всю улицу водоколонка. Похмельный, неопрятного вида мужичонка набирал в цинковое ведро воду. Вода уже бежала через край, а он всё смотрел на автобус и вывалившуюся из него группу «инопланетян». Мужик и автобус-то забыл как выглядит. А тут какой-то инопланетный корабль, высокий, большой и прекрасный. Удивлённо открыв рот с единственным уцелевшим зубом, мужик заулыбался, почесав живот, не удержавшийся под рубашкой на одной пуговице. Какого цвета была рубашка – непонятно, но вытянутые и кое-где с дырами треники придавали мужику ещё более живописный и первобытный вид. Кто был в группе с фотоаппаратами, кинулись снимать эту картину. Мужик в порыве радостного удивления сдернул с головы некогда белую кепчёнку и, ослабившись во весь свой беззубый рот, радостно заприветствовал публику, запозировал, никак не решаясь пропустить этого чуда, стоял у колонки, забыв, зачем пришёл.

Перейдя на другую сторону дороги, экскурсанты увидели группу девчонок, живописно рассевшихся на уцелевшей перекладине забора и лузгавших семечки. Некоторые фотографы чуть не попадали на землю, приседали, подходили и отходили от девчонок и мужика у колонки, всё снимали и снимали. В кадр попадали грязные-прегрязные свиньи, практически основное население деревни Ленск. Говорят, они на лето уходят в тайгу, а к зиме, откормившись, возвращаются с приплодом. Домишки кое-где без окон и дверей. Разобранные за зиму на дрова заборы. Заросшие вровень с домами дурниной огороды. Вид полного запустения! И эта великолепная, нарядная группа посередине.

Я потихоньку ругала себя за столь смелую идею поехать именно в Ленск. Но я думала, проскочим до Бычковых, а

там-то благодать! А тут такое. Но что делать? Вся ответственность за происходящее ложилась на меня. Сама одета, как лесная фея, в длинное кисейное сиреневого цвета воздушное платье. На ногах сиреневые босоножки все в сверкающих блестках, и эта пыль вековая, в которой ноги утопали и оставались следы, как на бархане в пустыне. Я откровенно испугалась, оценивая сложившуюся ситуацию. До усадьбы Бычковых идти двадцать-двадцать пять минут по вот этой непроходимой пыли. А если бы дождь! – подумала я и содрогнулась от этой мысли. Вот и проскочили! Ещё не забылись те времена, когда каждый мало-мальский начальник отвечал по полной. Отчаянно осмелев и даже обнаглел, я подумала, что ни перед кем и ни перед чем кроме собственной совести я теперь не отвечаю. Повернувшись к группе, я широким жестом указала направление и сказала: «Ladies and gentlemen, do follow me!», что означает: «Леди и джентльмены, следуйте за мной!» Решительно сняв обувь, поддерживая край платья, как английская королева, я двинулась по пыльной дороге вперёд. Все молча последовали за мной. Я ждала бунта, но всё обошлось мирно. Мой сын, приставленный к иностранцам в качестве переводчика, бойко рассказывал им об окружающем пейзаже и о чем-то ещё.

Остановка автобуса случилась на окраине села. «Графские развалины» закончились. Мы вошли на живописный мостик через незначительный ручеёк, прошли ещё немного и были уже в усадьбе Бычковых, где радушные хозяева поджидали нас. Накрытый на большой веранде стол, уставленный яствами из медовых продуктов: мед рекой, соты, перга, а главное, медовуха. А также различные настойки, делать которые хозяйка Екатерина была большая мастерица. Все расселись. Принялись щедро угощаться. Операторы из Красноярского телевидения снимали процесс, не забывая участвовать в нём. Затем гостей ждала русская баня, просторная и чистая с душистыми вениками. Мой сын Максим ловко орудовал веником, поил гостей великолепным квасом. Мужики вываливали из бани, разомлевшие и совсем подбrevшие, все друзья, товарищи и братья. Кое-кто видел нашу русскую баню впервые, но все остались в восторге. Гости с

удовольствием потоптались в энергетической пирамиде. Все чувствовали себя прекрасно. Мне так показалось – больше от бани и от медовухи. Потом опять застолье...

Ребята с телевидения брали интервью у гостей фестиваля. Мне очень запомнилось, что сказал англичанин, который блондин с бледной кожей. Он сказал: «Когда я собирался ехать в Сибирь на фестиваль, меня уговаривали не ехать. Там очень холодно и дико. Я взял с собой две сумки тёплых вещей (жара у нас стояла под 40 градусов). А это место на карте было для меня окрашено в белый цвет, так как я ничего не знал о Сибири и Шушенском. Красноярский край для меня был почти Арктикой. А теперь это место на карте окрасилось в розовый цвет. Такого радушного приема, таких людей я не видел пока нигде». «Халява, сэр», – хихикнула я про себя, но была очень довольна, как всё чудесно завершилось. Назад к автобусу шли уже бодренько. Мужчины всю дорогу что-то весело обсуждали по-английски.

На следующий день, когда у этой же группы спросили, а куда же вас сегодня везти, был дружный ответ – в Ленск. Но для них было запланировано уже другое мероприятие. Андрей Катаев меня поблагодарил и сказал, что с удовольствием взял бы меня в свой штат. Это была для меня лучшая похвала.

P.S. После фестиваля глава местной районной администрации и представитель законодательного собрания края, который отвечал, кстати, за состояние дорог в регионе, поехали к Бычковым. Видимо, история с автобусом имела свой резонанс. Мне кажется, их там тоже хорошо приняли. Через неделю в Ленск прибыла дорожная техника. Дорогу отгрейдеровали, привели, насколько было возможно, в порядок. А Виктор Петрович Бычков рассказывал, что к нему пришел старик, живший от него ещё дальше, в конце села. Он со слезами благодарил: «Если б не ты, Петрович, не увидел бы я до конца жизни дороги. Дай Бог тебе здоровья!»

НИКОЛАЙ ЗВЯГИНЦЕВ

Посвящается

женщинам – труженицам тыла.

ДЕВОНЬКИ-БАБОНЬКИ

Коротка июньская ночь. От набирающей силу зари обозначились зубцы дальних гор. Пропели первые петухи.

Дуня проснулась от толчка в бок. Спала она с Анной под одним одеялом. Они были откомандированы от колхоза на сплав. Бригада – человек двадцать. В основном – молодые девчонки, но были среди них и бабы в возрасте. Квартировали в деревне Ойской по три-четыре человека в избе.

Анна металась во сне и кого-то звала.

– Анна, проснись! – зашептала Дуня, тормоша ее за плечи.

Проснувшись, Анна долго не могла прийти в себя.

– Сон приснился, теперь до утра не усну.

– Пойдем на улицу, – предложила Дуня, – быстрее время скоротаем.

Прихватив одеяло, тихонько вышли на крыльцо. Закутавшись, уселись на верхнюю ступеньку.

Ночь не хотела уходить и тихим полумраком еще таилась в закоулках. На луговине за огородом прокричал коростель, словно пробуя спросонья свою скрипучую песню. Поддержала его зорянка, одним коленцем. Лишь только петухи надрывались, стараясь перекричать, друг друга.

Дуня прижала к себе подругу. Аннушка была небольшого роста, но в работе была хваткой, лучшей напарницы и не нужно.

– Ну, давай, рассказывай сон.

– Ой, Дуня, не знаю, с чего начать. До сих пор холодок по спине ходит. Снится мне, как будто я на сенокосе. День такой яркий, аж глазам больно, а вот солнышка не видно. Кошу я прокос, пот глаза заливает. Остановилась, лицо платком вы-

тираю, и вдруг передо мной Троша мой стоит и так на меня пристально смотрит, и как вроде улыбается. Думаю, дай-ка я до него прокошу, чтобы траву не путать. Кошу к нему, а он отходит от меня. Остановилась, говорю ему: «Трошенька, ты травушку-то не топчи, подожди меня». Он, вроде, и не говорит, а я слышу: «Не топчу я твою травушку, голубушка моя». Присмотрелась я, и вправду, он идет, а трава стоит, даже не шелохнется. Страшно мне стало. Смотрю в его глаза, а он глядит мимо меня и просит, чтобы я оглянулась. Оглянулась, а сзади дочка наша стоит, большая уже такая и в платице, которое я ей сшила перед отъездом на сплав. На войну-то он ушел, ей десять месяцев было. Поворачиваюсь, чтобы сказать: «Вот, Троша, какая у нас дочка выросла», – а его уж нет. Стала звать его, кричу, а крик во мне остается. Дочка за плечо теребит, домой зовет. Тут ты меня и разбудила.

– Ох, нехороший сон, да еще с четверга на пятницу. Говорят, вещий. Но ты, Аня, не расстраивайся. Бабы проснутся, спросим у Никанорихи. И для меня, Ань, ночь – просто наказание какое-то. Ляжешь, уснуть не можешь, руки-ноги гудят. Утром чуть свет просыпаюсь, думки про эту проклятую войну одолевают. Днем гуртом куда веселее. Давай посидим тихонько. Красота-то какая, Господи!

Тут в избе послышался говорок. На крыльцо вышла Никанориха. Баба она была дородная, уже в возрасте, имела трех ребятишек. На ее же плечах были старики, а по зиме пришла похоронка. Характер у Никанорихи был мужицкий, крепкое словцо не задерживалось, но девчонок любила. Доброе слово скажет и толковый совет даст.

– Что это вы как две курицы на насесте, поди всю ночь просидели?

– Нет, тетя Настя, с первых петухов сидим. Аннушке сон плохой приснился.

И Аннушка снова рассказала свой сон.

– Не все сны сбываются, на все Божья воля, все обойдется, – глядя на восход, словно сама себе тихо сказала Никанориха. – Прибирайтесь, девчонки, чай пить и на работу. Вон уж и бригадир хромает.

Подошел Федор, единственный мужик в бригаде. На фронт

он не попал из-за ноги. Но хромота не мешала ему помогать бабам, разбирать на реке крепкие заторы из бревен. Был он человек семейный и девки на эту тему над ним подтрунивали, но он не обижался, а только отшучивался.

– Здравствуйте, девоньки-бабоньки! Хорошо ли отдохнули?

Дуня подошла к нему, весело подмигнула, легонько подтолкнула плечом и пропела:

– *Ой, девки, девки!*

Зачем я женился?

Лучше б утопился.

Федор улыбнулся:

– Типун тебе на язык, Дуня! Не баба ты, а мужик в юбке.

Дуня вновь ответила частушкой:

– *Не успела, не успела,*

Не успела бабой стать.

Пришло время на войну

Милёнка провожать.

Позавтракав, сговором и смехом все разбрелись по излучинам реки. Бригада была разбита на звенья, каждое звено занимало свое место.

Разобрав на берегу багры, начали расталкивать сбившиеся за ночь сутунки. Анна с Дуней работали молча, переговаривались лишь при перехвате очередного сутунка. Бревна с глухим стуком напирали на бон, связанный проволокой и сбитый скобами.

На очередном сутунке Анна поняла, что плохо воткнула багор, но было поздно, бревна напирали. Налегла на багор что есть мочи, но он сорвался, и она полетела в воду, успев только вскрикнуть: «Ох, мамочка!» Она билась и барахталась под водой, словно дитя в утробе. Почувствовав дно, инстинктивно оттолкнулась и вынырнула, перед самым боном. Тут ее Федор из воды выдернул. Он подоспел вовремя, услышав крик Никанорихи.

Дуня все это время держала напор сутунков. Как только Федор вытащил Анну, сутунки глухо сомкнулись. Дуня упала на колени, упираясь в багор. Косточки на руках побелели от напряжения. Она еще не понимала, что все хорошо закончилось.

– Дунь, брось багор, а то сломаешь, – с дрожью в голосе пошутил Федор.

– Вот, девонька, и сон тебе в руку. Поедешь к дочке, жить будешь. – сказала Анне Никонориха и пошла к берегу, бормоча: – Ох, девоньки-бабоньки, сколько вы еще мурцовки хватите! Эта хоть обабилась, а другие не успели, а уж вдовыми солдатками стали. Да храни вас Господь!

СЕНЬКА-БАРАБАНЩИК

Афанасий и Евлампия проснулись со вторыми петухами, заря пылала в полнеба. Афанасий пошел на поскотину за конем, а хозяйка занялась печкой. Светильник зажигать не стала, она и так знала, что где лежит, ни к чему лишняя копоть. Глухо постукивали поленья, которые она ловко закидывала деревянной лопатой в чело печи. Напахнуло дымком от загоревшихся лучин, и заплясали по стенам причудливые тени от пламени горящих дров.

С полатей свесилась рука среднего сына Семена. Евлампия, встав на скамейку, поправила руку и, улыбаясь, погладила парня по голове. Из троих сыновей он был самый бойкий, редко без него в станице обходился какой-нибудь шабаш.

Прошлым летом учудил – у кума Федора бычка-перволетка в усмерть загнал, привязав к хвосту бычий пузырь, пришлось доколоть. Хорошо кум не рассерчал, все обошлось в две четверти первака. До сих пор по станице шутка гуляет: погулять хотите – Семку попросите.

А началось все с байки свекра про своего отца, то бишь, прадеда Семена, в честь которого его и назвали. Произошло это во время войны на Балканах в турецкую кампанию. Полсотни казаков с разведкой выходили из глубокого тыла турецких войск. Шли проверенным путем. Головной дозор обнаружил, что селение при выходе из ущелья занято неприятелем. Схоронились в небольшом леске, решили досконально разведать обстановку. Вернувшись, казаки доложили: «Живой силы – больше трех сотен, в основном, пешие. Недалеко пasetся с сотню лошадей. Селение можно обойти горной тропой. Пройти нахрапом – увязнем, как в болоте».

Дозорные оповестили, что по дороге движется турецкий обоз. Оставив несколько казаков с лошадьми, выдвинулись навстречу, затаившись, стали ждать. Показались две арбы, тянули их быки. На первых сидели три вооружённых турка, а на второй, судя по одежде, – люди из местных.

– Ну, Степан, что делать будем? Всего две арбы, – обратился один из казаков к хорунжему.

– Брать будем, – буркнул кто-то. – Со вчерашнего во рту ни крошки, брюхо к спине подвело. Может, припасом разживёмся.

– Хорошо, – ответил хорунжий. – Брать будем без шума, на саблю.

Обнажив сабли, казаки затаились, ожидая обоз и сигнала к атаке. С первой арбы турок сняли мгновенно. На второй арбе ездовой от неожиданности сидел, словно каменный. Очнулся, когда кто-то из казаков похлопал его по плечу, растянул улыбку на испуганном лице.

Казаки осмотрели добычу. В первой арбе было немного съестного. Во второй под пологом лежали барабаны, десятка полтора, видимо, турки готовились к наступлению. Казаки хохотнули, у самих животы пустые, хоть играй, а тут еще и барабаны впридачу. Кому расскажи, засмеют.

Убрав все с дороги, собрались на совет.

– Ну, мужички-казачки, какие будут предложения по обстановке? Как будем пробиваться? Время не терпит, просто край! – обратился хорунжий к казакам.

– Есть у меня задумка, Степан, – азартно подмигнув, сказал Семен.

– Давай, докладай!

– А мы устроим туркам «парад» под их же барабаны.

– Это как же?

Семен поведал свой план: «В детстве мы выделявали бычьи пузыри в золе, клали в них горох и надували. Когда пузырь высыхал, получалась хорошая погремушка. Бывало, привяжем кошке к хвосту, чтобы не могла стряхнуть. Только не в доме, а то погром обеспечен. К чему я это говорю? Барабаны небольшие, мы их пешим порядком ночью по тропе пронесём на ту сторону, где у них кони пасутся. Караул уби-

раем, барабаны привязываем к хвостам лошадей. Только в барабанах надо сделать дырки для мелких камней, чтобы коней раззадорить».

Казак одобрили идею Семена и решили: пан, или пропал! Условились о сигнале готовности. Один крик совы – атака, два – отпускать коней с криками аллюра и выстрелами гнать их в селение.

– Десять человек остаются с лошадьми. Даст бог, вышибем турку, сразу подтягивайтесь к нам, – распорядился хорунжий.

Казак оживились. С тихими шутками и смехом стали разбирать барабаны. Обернули их черкесками, чтобы ненароком не шумнуть. Двинулись. Часа через два спустились на равнину.

Сквозь кусты замаячил огонек, у костра дремал караул. Без слов трое казаков растворились в темноте, послышался слабый звон металла, следом – крик совы. Караул снят.

Кони, похрапывая, настороженно встретили незнакомых людей. Но не будь казак казаком, если лошадь его не поймет. Почти все лошади были стреножены, это облегчило казачью затею. Работали быстро, на каждую лошадь – по двое. Кое-где уже слышалось погромыхивание камушков о барабанные стенки.

Дважды ухнула сова. Что тут началось! Крики казачьего аллюра, выстрелы, грохот барабанов! Лошади одурели, их дикое ржание переходило на визг, словно на свиной бойне. От этого самих казаков пробирало, они дурели наравне с лошадьми. И вся эта дикая свора ввалилась в спящее селение.

Затихло все на рассвете. Подтянулись казаки, даже у них лица были испуганы.

– Ну, хлопцы, выдали туркам разгону, мы своих лошадей еле удержали, благо, привязали всех. А то за компанию к туркам убегли бы.

Привели двух турок, дико озираясь, они глядели на полусотню казаков. По выражению их лиц было понятно, что ожидали увидеть большое войско.

– Хлопцы, по коням! – скомандовал хорунжий. – Пока турок не очухался, улепетывать надо.

К казаку Семену прилипло с той поры прозвище Сенька-барабанщик. С войны пришёл он с наградным крестом.

Ну и правнука за бычка атаман «наградил» по справедливости. Розгами. Десять ударов для закрепления военной науки. Чтобы впредь было неповадно.

ТАЕЖНЫЙ САМУРАЙ

День близился к концу. Солнце, цепляясь за вершины гор, катилось к закату. Узик выехал на трассу. В машине сидели четверо охотников. Мирное урчание мотора и легкое покачивание убаюкивало уставших мужиков. Прогнали за день с десятков загонов, и никакого результата.

За рулем был Саня, рядом с ним сидел с ружьем Иннокентич, оба смотрели на убегающую вдаль дорогу. Вдруг Саня встрепенулся и начал притормаживать. От толчка очнулись сидящие сзади Виктор Васильич и Александр Иванович.

– Иннокентич, смотри, вроде хорёк дорогу перебежал!

– Он самый, да и зачем он нам нужен, – ответил Иннокентич, – пусть бежит!

– Тормози, Саша! Смотри, какой крупный! На шапку или на воротник бабе, – закричал Александр Иванович с заднего сидения.

Машина остановилась, скрипнув тормозами. Хорек тоже остановился, метрах в пятнадцати, смотрел на машину. По натуре этот зверь очень любопытный, видимо, ему самому захотелось узнать, кого он так заинтересовал.

Первым выпрыгнул Александр Иванович, он нервно топтался и подгонял Иннокентича, давая советы и указания, словно у себя на работе.

– Какой дробью зарядил?

– Не знаю, какой патрон подвернулся, – ответил Иннокентич и выстрелил.

Хорек крутанулся и остался сидеть на месте. Александр Иваныч метнулся к зверю с криком: «Не стреляйте, шкуру попортите! Я его сам задавлю».

Иннокентич бежал следом. Саня с Виктором Васильичем остались у машины, наблюдая за происходящим.

– Упустит, дал бы Иннокентичу добить, – с сожалением проговорил Саня.

Александр Иваныч подбежал к хорьку, на мгновение замер и упал на него. Но вскочил быстрее, чем падал, держа на вытянутых руках, словно змею, извивающегося зверька. Хорек кусал и царапал руки охотника.

– Зверя жалко, мучает только! Надо помочь, – сказал Виктор Васильевич и двинулся в сторону рукопашной.

Хорёк перешёл от защиты в наступление. Александр Иваныч чуть ослабил хватку, и зверек вцепился ему в лицо. Адреналин зашкаливал с обеих сторон. Видя такой исход борьбы, мужики поняли, что с мыслью о воротнике нужно расстаться и выручать товарища.

Александр Иваныч пытался оторвать от себя зверька, но тот каждый раз прилипал к новому свободному месту, словно репей. Иннокентич с ружьем бегал вокруг и не знал, что делать. Хорек, видимо, вошёл в раж. Наконец Александр Иваныч стряхнул с себя зверька, но, выгнув спину и подняв хвост, словно ирокез, он вновь стал кидаться на противника, хватать его за сапоги. Тот в свою очередь пытался придавить его ногой, то левой, то правой, зверек отскакивал и снова нападал. Со стороны казалось, что мужик танцует ирландский танец, выкидывая высоко вперед ноги, отскакивая назад, пряча руки за спину.

Александра Иваныча решили остановить, схватили его сзади за руки и пытались удержать, боясь новой атаки.

Хорек, видя численное превосходство, юркнул в кусты облепихи. Иннокентич впопыхах выстрелил, но промазал.

Александр Иваныч в ярости рванулся из бушлата, пуговицы разлетелись, словно птички-синички, и метнулся в заросли. Мужики, держа бушлат в руках, с удивлением смотрели на озверевшего товарища.

Наконец Александр Иваныч вышел из кустов, вид у него был убойный, персонаж из фильмов ужасов. Руки в крови,

покусанные, поцарапанные, на лице – та же картина. Подойти к нему было невозможно, он весь пропах мускусом, хорёк не только кусал и царапал, но и метил свою жертву.

Надев бушлат, Александр Иванович пошёл к машине, его всего трясло. Через несколько метров остановился, оглянулся на кусты, где исчез хорёк, взмахнул руками, будто стряхивал всё еще прилипшего зверька.

На снегу виднелись капельки крови.

– Подранок идет, – пошутил тихонько Саня.

– А может, чтоб не мучился... – подхватил Иннокентич.

Все негромко хихикнули. В машине препаратами из дорожной аптечки обработали раны. Лицо у Александра Ивановича припухло, и он стал похож на японца.

– Ты у нас теперь как самурай, – сказал Саня.

– Харя мачи уцу, – подхватил Иннокентич.

Все засмеялись.

– Повезло, а то мог бы и катану откусить, – поддержал друзей Виктор Васильевич.

В машине грохнул смех. Александр Иванович смеялся вместе со всеми, поддерживая рукой подбородок.

– Да, мужики, без катаны мне кирдык!

– Не переживай Иванович, добились бы! – весело сказал Саня.

– А если бы это был медведь! Тут такая мелочь тебя на воротнички порвала, а медведь точно бы ковёр на стенку сделал.

Смех не утихал до самой больницы. Александр Иванович размяк, настроение поднялось. Балагурия, ввалились все в приёмное отделение районной больницы. Наложили раненому несколько швов и поставили укол от бешенства.

– Доктор, он на нас он не кинется? – снова пошутил Саня.

– Все нормально, мужики, жить будет! – пожимая руки охотникам, заверил доктор.

Неделю Александр Иванович пробыл на больничном. На работе появился обклеенный пластырями, все были в курсе, что с ним произошло, подшучивали: «Смотри, шкурку не испорти!».

Он с улыбкой отмахивался, посылал всех в баню и уходил кабинет.

ЮРИЙ ИВАНОВ

Юрий Анатольевич Иванов родился в селе Балахта Красноярского края в 1937 году. Окончил техникум и Красноярский педагогический институт. С 1966 по 2002 годы жил в Шушенском, работал в системе просвещения, профсоюзных, советских и партийных органах, директором музея-заповедника. Его стихи и рассказы печатались во многих коллективных сборниках, газетах и журналах. С декабря 2002 по 2009 годы возглавлял Саяногорское литературное объединение «Стрежень». Создал музей Ивана Ярыгина в п. Сизая и пять лет был его руководителем. Юрий Анатольевич много добрых дел совершил, для развития Шушенского района, человек с большой буквы и добрым сердцем. Литературной деятельностью начал заниматься во время учёбы в пединституте. Ю. А. Иванов написал 20 книг стихов, прозы, публицистики. С 2010 года – член Союза писателей России.

Вершины – Невидимки

(фрагменты)

Утром ранним и субботним,
Когда радостные птицы
Воспевают гимны Солнцу,
Нас срывает из постелей
Зов неведомых желаний.
Подпевая мудрым птицам,
Улетаем в лес дремучий
Растворится в океане
Чуткой, девственной Природы.

Кто зовёт нас в эти глуши?
Что найдём в местах таёжных?
Нет, не след лесных зверушек
Нас магнитит к Этим дебрям...

Голос страсти генной, тайной
Слышим мы в горах Саянских,
Голос Вечности – от Бога,
Нас зовёт искать Вершины...
Но вершины – Невидимки,
Их в горах найти непросто,
Чтобы Мир Иной увидеть...

...Много лет я чистил Душу
Светом Песен и Поступков,
Родниковую водою
И раздумьями о смысле
Нашей жизни обречённой...
Много лет искал тропинки,
Чтоб подняться над землёю...

И когда Пегас мой дерзкий
Через тридцать лет скитаний
В лабиринтах жизни грешной
Поднял к Этой Звёздной Выси –
Я увидел Царство Божье,
Высший Разум в Храме Правды.

Понял я: нам Боги Души
Наполняют Светом Мыслей.
И устами Свет-Пророков,
И словами Свет-Позтов,
Свет-Философов, Учёных
Поднимают нас, капризных,
Нас, лентяев, грубиянов,
Нас, в грехах земных погрязших,
На Вершины Просветленья...

Очищают Души, Разум
Только Храмы Мать-Природы.
Только здесь Истоки тропок,
Что ведут к Вершинам Света...
Потому и призываю:

Утром ранним и субботним,
Когда звёзды прячут лица
Под вуаль лучей рассвета,
Поднимайтесь, убегайте
Из болота дел житейских
И спешите без оглядки
В Царство гор тайги Саянской.

Здесь на древних тропах зверя
Через много лет терпенья
Вам однажды улыбнётся
Счастье встретить Вихрь-Пегаса,
И тогда он Вам поможет
Воспарить к Вершине Света,
Мир увидеть и услышать
Несказанно необычный –
Мир, где сказки стали былью,
Где нет армий и нет денег,
Нищих нет и олигархов,
Нет границ, бандитов, тюрем,
Где равны Все Души Божьи...

Ждёт Земля, когда наступит
Время тех Жрецов-Пророков,
Кто сумел Познать Иное
На Вершинах Просветленья.
И когда Их станет Много,
И когда Они расскажут
Всем землянам, как жить можно:
Захотят, возможно, люди
Им поверить и построить
На земле Тот город Солнца,
Где мечты людей всех Лучших
Могут стать реальным Чудом...

В скупой улыбке струны-губы,
Зрачки огнём недобрым жгут,
И голос с дрожью – через зубы,

И как-то льстиво и чуть грубо
Мне песнь поёт мой давний друг.
Я знаю: он в тайге надёжен.
Я верю: он смелей меня.
Но почему он тонкой ложью
Моё достоинство корёжит
И хочет словом сбить с коня?
В душе у многих чёрной тенью
Живёт коварно зависть-бес
И он внушает: «...Ты лишь гений,
Ты всех сильнее и вдохновенней,
Тебе лишь слава первых мест.
Друзей-соперников рогами
И словом ядовым бодай!
Храни за пазухою камень,
И если выше славой станут,
По голове тем камнем дай...»

Моя убогая Россия!
Дымки древесных деревень...
Сыновний долг необъяснимый
Упрямо жаждет перемен!
Бросают дети дом родимый –
И в города – в зловонный плен,
И после этого хотим мы,
Чтоб над деревней светил день?
Хватало бед всегда в деревне...
Но как ей жить без молодых?
Уходит люд в землю древний,
Взлетают в космос Души их.
И остаются бедолаги,
Бичи, лентяи, алкаши.
У них нет сил и нет отваги
Трудиться, по-крестьянски жить.
И зарастают сором пашни,
И фермам грустно без коров...
Что будет завтра? Станет страшно
В бетонных тюрьмах городов.
Ведь за хозяевами вслед

Уходят домики в землю...
Уходит жизнь... уходит хлеб...
Россия может надломиться...

Какие женщины в России!
Походкой, верностью, душой,
Огнём души неугасимым
И неразгаданною силой
Они чаруют шар земной.
Идёт она и взором нежным
Рисует мир совсем иной;
И под вуальную одежду,
Скрывая тайные надежды,
Мужчины видят снег и зной...
Она идёт... какая поступь!
Какой полёт её бровей!
Она живёт, как в море остров –
Мужчины ищут брод и мостик,
И все по кругу – ближе к ней.
Каким-то тёплым дуновеньем
И колдовством крылатых рук,
С восторгом, страстью, упоеньем
Мужчины кружатся вокруг...
Она идёт, красой блистая,
Она идёт, она в полёт,
Чтоб встать на брачном пьедестале
И с упоением устами
Любви взаимной выпить мёд...

Возможно Там, в заветном Рае,
Душа поёт ещё светлей,
Не потому ль торопятся, сгорают,
Себя до срока надрывают
Всё лучшее из племени людей?
Они нас греют на земле –
Молитвы шлют небесные,
Но мы в пороке, тихом зле,
Живём нахмуренно, во мгле –
Не слышим их святые песни.

Одних мы бьём за красоту,
Других – что их душа богаче
За то, что к ним на Высоту
Не вознесём свою мечту:
Нас не поднимет лени кляча.
О, как всё просто под луной
И как под мудрым солнцем сложно:
Пойми же, человек чудной,
Талантливый – он как Святой,
Без них Движение невозможно.
...Молюсь от имени землян:
Людей крылатых шлите, Боги!
Без них темно и по утрам
Без них не жить двуногим нам
И не найти из тьмы дороги.

Не умирай, моя надежда,
Покинь меня, живи в другом,
И, может быть, твой дух мятежный
Подхватит ветер сильный, свежий,
И ты найдёшь желанный дом...
Ведь я всё верил: завтра, завтра
Уйду, чтоб жить среди цветов,
А сам грешил – светло, азартно.
Но вдруг однажды стало жарко
От дел пустых и ложных слов.
Мне всё казалась: бесконечна
Река восторгов и любви,
Но только солнце греет вечно –
Всё остальное быстротечно.
Сгорели быстро дни мои.
Я не успел построить крылья
И стать счастливым не успел,
И перед вечностью бессильный.
Я в наказание мёртвой пылью
На землю вечную осел...
А может быть, я есть и буду:
Из праха вскинется цветок

И озарит красой округу –
Рекой из устья – на исток.
...Не умирай, моя надежда,
Покинь меня, живи в другом.
И может быть, твой дух мятежный
Подхватит ветер, сильный, свежий,
И ты найдёшь желанный дом.

Старик обочиной дороги
Устало двигался домой,
А по асфальту автоноги
Несли нормальных и двурогих –
Кто мчался трезвый, кто «кривой».
Что им старец с походкой вялой?
Они летят на полный газ.
Что им с того, что дед бывалый
И на войне годами малый
Контужен, ранен и не раз.
У деда морщилась котомка,
Тряслись в ней восемьдесят лет.
Он шёл надломленно и ломко,
Ступи неловко – и обломки,
И дед ракетой – на тот свет.
Летят, летят – не замечают:
Ведь дед идёт ещё живой!
Но вдруг одна, как бы случайно,
Карета встала и начальник
Жест сделал барственной рукой.
Дед растерялся, рот разинул,
Но только сделал шаг к авто,
Как получил плевков обидный:
«Мне не хватало пота, псины», –
Сказала дамочка остро.
Тут барин резко отвернулся
И дал «волжанке» полный газ.
А дед как будто спотыкнулся
И, как ребёнок, улыбнулся –
Две капли выпали из глаз...

ТАМАРА КАЗАНЦЕВА

Родилась я 3 октября 1946 года в г. Быхов Могилёвской области республики Беларусь, в семье военнослужащего. Отец после окончания войны с Германией остался служить в армии. Проживали по 1951 год в Польше. В 1951 году полк, в котором служил отец, перебросили в Сибирь, в город Красноярск, где мы жили по декабрь 1956 года. Здесь я пошла в школу.

В 1956 году в армии было большое сокращение и отца перевели в Шушенский райвоенкомат. Так мы попали в п. Шушенское. Здесь я закончила в 1965 году 11 класс и поступила в Красноярский сельскохозяйственный институт.

Стихи начала писать ещё в школе, но из школьных стихов почти ничего не сохранилось. Дала в институте кому-то из однокурсников тетрадки с моими стихами, которые не вернули.

После окончания института, в 1970 году, начала работать зоотехником-селекционером в колхозе, впоследствии совхозе «Очурский», по месту жительства мужа. В 1971 году родила дочь. А в феврале 1972 года устроилась работать на Шушенскую птицефабрику. Работала на ней вначале зав. лабораторией, потом начальником кормоцеха, начальником промышленного стада кур-несушек, начальником цеха инкубации яиц и родительского стада, начальником цеха выращивания молодняка и более 20 лет начальником отдела сбыта, пока не ушла на пенсию, и ещё 7 лет после того, как стала пенсионером.

Стихи в это время писала редко, к каким-нибудь датам, или чтобы поздравить коллег.

Основательно занялась и стала писать стихи в 2013 году. Состою в литературном клубе «Вдохновение».

Печаталась в литературно-художественном приложении «Зелёная лампа» к газете «Власть труда» города Минусинска, в альманахах «Сибирская лира» и «Стрежень» на Енисее», в нескольких поэтических альманахах «Стихи поэтов современников» города Стерлитамак.

Проносятся дни, чередой года,
Меняются время и лица.
Уходят родные, друзья навсегда.
Судьба наша странная птица.
Одних приласкает, другим не везёт,
Она посмеётся над оным.
А жизнь между пальцев песком утечёт,
Судьба всюду ставит препоны.
И счастье, бывает, трудно найти,
Оно, ускользнув, не даётся.
Мы в поисках вечных, в дороге, в пути,
Верим, что счастье найдётся.
Поступки стараясь свои оправдать,
Причины для них мы находим.
А время, как ветер, его не догнать,
И все мы по краешку ходим.
Теряем родных, теряем друзей,
Судьба к нам сурова бывает.
Хочется жить, почему-то сильнее,
Нам вера надежду вселяет.

09.03.2018

Облака в синем небе над нами
Всё куда-то плывут и плывут.
Над лесами, полями, морями
Они собственной жизнью живут
Кто-то смотрит на них и мечтает.
Их фантазии в небо зовут.
Где-то там наш Господь обитает,
Нам покоя мечты не дают.
Облака будто хлопок и вата,
Уплывают в безбрежную даль.
В небе тают они виновато,
А в глазах наших стынет печаль.
Мне б отправиться следом за ними,
Побывать, где бывают они.
Только вдруг они стали седыми,

Потемнев, предвещают дожди.
Заклубились огромные тучи,
Стало небо свинцовым на миг.
И померк сразу солнечный лучик,
Не видать из-за них солнца лик.
Дождь прошёл, снова солнце сияет,
В синем небе плывут облака.
Почему всех нас в небо так тянет?
От того ли, что жизнь не легка?

19.03.2018

Я не завидую другим,
Не вижу смысла.
Мы дышим воздухом одним,
А жизнь, как дышло.
Кому-то нравится мечтать,
Кому-то – строить.
А я люблю стихи писать,
С друзьями спорить.
Закружит жизнь, как карусель,
Вы не сдавайтесь.
Когда в душе метёт метель,
Не признавайтесь.
И не ропщите на судьбу,
Ломать, не строить.
В простом увидеть красоту,
Чего-то стоит.

26.04.2018

В Саянах вновь зацвёл рододендрон.
Будто бы туман над Енисеем.
Горы и тайга со всех сторон,
Мы природу любим, как умеем.
От костра сиреневый дымок,
Растекаясь, он плывёт по речке.
Но не согреет душу костерок,
Как бывало в детстве лишь на печке.
Ах, как же быстро, молодость прошла.
Поздно ворошить в душе, что было.

Воспоминанья речка унесла.
Как костёр, любовь давно остыла.
Рододендрона нежные цветы,
Память свою зря разворошила...
Дым нашего костра унёс мечты.
Сердцу больно, сердце не забыло.

01.05.2018

По улицам метель мела,
Мне было грустно.
Снег пеленой накрыл дома
Сиюминутно.
А шалый ветер за окном
В лицо проходим.
Хлестал и сёк будто кнутом,
Огнём по коже.
На стёклах рисовал узор
Мороз художник.
Луна несла ночной дозор,
Свет в подоконник.
Под лунным светом ноября
Сиянье снега.
Волшебной кистью маляра
Ночное небо.
Зима пришла к нам, не стучась,
Отсчёт начался.
Снежинки падали струясь,
Мир обновлялся.

18.11.2017

В душе по-прежнему весна,
Пусть годы за плечами.
Полёт фантазии, мечта...
Мне б вслед за облаками.
Сияет солнце над землёй,
Свои лучи расправив,
И пляшет в пляске огневой,
С рассветом день поздравив.
Смотрю на солнце, облака,

Ценю всё то, что вижу.
Пусть жизнь порою нелегка,
Ложь, лесть – я ненавижу.
Люблю весну и первый дождь,
Грозу в середине мая.
Промокнув под дождём насквозь,
В нём радуга сияет.
Ловлю дождейки на лету
И радугой люблюсь.
Спасибо, дождь, за красоту,
Я с дождиком целуюсь.

17.05.2018

Над землёй холодный блеск луны.
Безжизненное голое пространство.
Над полем невозможной белизны
Сиянье звёзд внушало постоянство.
Смотрела в детстве в небо и мечтала.
Звёздный мир казался мне волшебным.
Я в сказки верить не переставала,
Мир детских сказок был, как сон чудесным.
Мне б дотянуться до одной из звёзд,
Да только в землю мы вросли корнями.
Так пусть сияет звёздный небосвод,
Мерцающая над Землёю и над нами.

18.05.2018

Наконец-то мы дождались лета,
Как же я соскучилась о нём,
По его приветливым рассветам
И ромашкам под моим окном.
А ещё по Шушенскому бору,
Величавым соснам, тишине,
О жарках, цвести которым в пору,
Пышным травам, сочным по весне.
Утренним туманам и зарницам,
Солнечным закатам на реке.
Эта речка нам зимою снится,
Там уха томится в котелке.

Как же я соскучилась по лету,
Полевым чарующим цветам.
Их головки, повернувшись к свету,
Радуются солнечным лучам.
А над ними разные букашки,
Бабочки, стрекозы, мотыльки.
Ты как будто пребываешь в сказке,
Когда в поле видишь васильки.
Пробежусь по солнечному лугу,
Поклонюсь земле, траве, цветам.
Никогда я не стремилась к югу,
К тем морским далёким берегам.
Моё сердце приросло к Сибири,
И родными, ставшим, землякам.
Места нет дорожке в целом мире,
Чувства, что во мне, не передам.

25.05.2018

Оглянись, какая красота!
Нам свои подарки дарит лето.
Всё даётся людям неспроста,
Ты очарован красками рассвета.
На востоке солнышко встаёт,
Небеса окрасив позолотой.
В роще сладко соловей поёт,
Радую высокой чистой нотой.
Улыбнись, встречая новый день,
Ветерку лицо на миг подставив.
Из души отбрось на время лень,
Свои плечи широко расправив.
Облака плывут, как корабли,
Солнце брызжет яркими лучами.
Где-то там курлычут журавли,
Вдалеке над летними полями.
Окунись в сиреневый рассвет,
Черпая из трав росу руками.
Принеся домой цветов букет,
Целуя в щёку, подари их маме.

09.07.2018

Мы жить мечтаем тихо, без войны.
Тишина во сне нам только снится.
А жизнь есть жизнь, в ней правила свои.
В этом не могу я усомниться.
Жизнь новую стараемся построить,
Отвергнув часть истории, живём.
И нет вины, не мучает и совесть,
Разрушим всё и заново начнём,
Ломать – не строить, истина известна.
Строительство даётся нелегко.
Что будет дальше, очень интересно,
Мечты о счастье где-то далеко.
Нам не дожить, но, может, наши внуки
Увидят то, что недоступно нам,
Грызая и постигая плод науки.
Стремитесь к звёздам, новым берегам.
Чтоб не случилось, надо верить свято,
Что Родина она у всех – одна.
Россия мать ни в чём не виновата,
Любите мать в любые времена.

11.07.2018

Я давно уже бабушкой стала,
Годы... будто песок унесло.
Дочка выросла, внучек подняла,
Улетели все, встав на крыло.
Никогда на судьбу не пеняла,
Пусть и трудно бывало порой.
Моя мама во всём помогала,
Как же время летит, боже мой!
Дочка выросла, выросли внуки,
Нет семь лет уже мамы моей.
А у правнучки режутся зубки,
Вот и правнук стал на год взрослей.
Годы, годы... куда вы летите,
Остановок не зная в пути.
Не спешите года, погодите,
Год от года труднее идти.

Одряхло, состарилось тело,
И походка давно уж не та.
Я хочу, чтоб душа моя пела,
И противлюсь годам неспроста.
Не вернётся уже наша юность,
Будто снегом виски замело.
Я себя презираю за трусость.

Пальцы рук мне от боли свело.
Мне на месте никак не сидится,
Без природы родной не могу.
Почему я не юркая птица?
Посетила бы горы, тайгу.
Я хочу иногда раствориться
На просторах родимой земли.
Мне бы заново что ли родиться,
Мои мысли безумству сродни.
Жаль, что годы куда-то уходят,
Тише тикают наши часы.
И мосты наших судеб разводят,
Мы стоим у последней черты.

18.07.2019

Это осень во всём виновата,
Что тебя не могу я забыть.
На душе чёрной меткой заплата,
Не смогла я тебя разлюбить.
Почему-то не спится ночами,
Шум дождя за оконным стеклом.
Что ты, осень, наделала с нами?
Всё не так, всё пошло кувырком.
Над тайгой полыхают зарницы,
Улетели на юг журавли,
Возвратились из леса синицы,
А цветы на лугах – отцвели.
Растревожила душу мне осень.

Без тебя мне не мил белый свет.
Я тебя не видала лет восемь,

А мне, кажется, тысячу лет.
Без тебя одиноко и грустно,
Лет прошедших уже не вернуть.
Не скрываю, забыть тебя трудно
И ночами никак не уснуть.
Не забыть мне глаз с поволокой,
Губ касание, ласковых рук.
Почему жизнь бывает жестокой,
А любовь не бывает без мук?
Это пламя тебя чуть задело,
Время, видно, любить не пришло.
Мотыльком я на пламя летела,
Тем огнём крылья мне обожгло.
Что ты, осень, наделала с нами?
Ветром нашу любовь унесло.
Когда любишь, летишь за мечтами,
Мне, наверное, не повезло.

25.09.2019

Как молоко, туман над Енисеем,
Цепляется за кедры и хребты.
В церкви пахнет ладаном, елеем,
Рядом с храмом расцвели цветы.
Куда ни глянь Саянские отроги,
Перекликаясь, шепчется тайга.
Саяны, Енисей известны многим,
Здесь мраморные всюду берега.

Вода вращает мощные турбины.
Плотины перекрыли Енисей.
Над Енисеем горы-исполины,
Наблюдать им с высоты видней.
У Майнской ГЭС впадает в Енисей
Горная речушка Голубая.
Спешит к нему, и нет её верней,
Как все сёстры, бойкая, шальная.
Шушь и Ою примет он в объятья,
У Енисея множество сестёр.

С Абаканом встретятся, как братья,
Для встречи руки он ему простёр.
На Север катит воды всё быстрее,
Улыбкой встретит Ману, Бирюсу.
Став полноводней, будет чуть добрее,
Навсегда влюбившись в Ангару.
Все буйный нором обуздать пытались,
Плотины воздвигая на реке.
Не укротить характер, зря старались,
Всем говорит – оковы не по мне.

19.09.2019

Зеркала

Разве зеркала нам скажут правду.
Кто сказал, что зеркала не врут.
Каждое из них скрывает тайну.
В зазеркалье демоны живут.
С нами попрощался месяц август.
Наши годы, как и он – уйдут.
Зеркала хранят владельцев тайну.
Годы наши будто стерегут.
Наши годы, они канут в вечность.
Август же вернётся через год.
За плечами юности беспечность...
Как же быстро времечко течёт.
Зеркало, надеюсь, правду скажет.
Говорят, что зеркала не лгут.
Пусть, что знает, зеркало покажет.
Отвлекусь к нему на пять минут.
У зеркал две разных стороны.
Светлая и тёмная, как в жизни.
На светлой даже мелочи видны,
В зазеркалье заглянуть не мысли.
Я не хочу попасть за зазеркалье,
Туда, где наши демоны живут.
В них нет души и сострадания.
Нашу кровь, частенько, они пьют.
Так и в душе у каждого из нас,

Есть что-то светлое и тёмное подчас.
Вам зеркало покажет без прикрас,
Что творится за спиной у вас.
Не хочется мне в зеркало смотреть.
Молодой себя там не увидеть.
Страх в душе никак не одолеть,
И мы не можем ничего предвидеть.

07.09.2019

Заповедный наш сосновый бор.
Прихожу сюда в любое время.
Слушаю нестройный птичий хор.
И бор притихнет, птичьим трелям внемля.
Как сестрёнки сосенки стоят,
Головы задравши, смотрят в небо.
Ловлю белки шаловливый взгляд,
Орешек оставляю ей и хлеба.
Под берёзкой кустики травы
И ягоды румяной земляники.
Рдеют щёчки, зелены – увы!
На мягкой кочке ягоды брусники.
Вот хрустальный слышу перезвон,
Там, на траве, как бусины, росинки.
Отдаю сегодня я поклон
Лету в яркой ситцевой косынке.
Дышится свободно и легко.
Вот озеро знакомое, лесное.
Дна там не увидишь, глубоко,
Над ним сияет небо голубое.
Тянутся из самой глубины,
Раскрывши лепестки свои, кувшинки.
Будто нимфы, так они нежны,
Им солнце дарит лучики смешинки.
Тих, спокоен заповедный бор,
Кукует, слышно, далеко кукушка.
Сосны красотой ласкают взор,
Шумит листвою берёзонька-подружка.

17.04.2019

Заплутавшее счастье

Лют январский мороз, за окошками стужа.
А ты помнишь, как в дождь мы бродили по лужам?
Всё ушло безвозвратно, ничего не вернуть.
Не дают мне метели в наше детство шагнуть.
Помоги мне, любимый, вновь себя обрести.
Заметают метели в нашу юность пути.
За годами разлуки вижу тёплый твой взгляд.
Заблудилась в дороге, не вернуться назад.
Ты меня обогреешь, дальше вместе пойдём.
Заплутавшее счастье мы с тобою найдём.
За январской метелью ждут весенние дни,
Там, в весенних рассветах, всё ещё впереди.
Щёки я утираю от непрошенных слёз.
Расписал ранним утром стёкла в доме мороз.
Мне приснилось сегодня, что как раньше, вдвоём,
По лужайке, в ромашках, мы, обнявшись, идём.
Ты мне шепчешь на ушко, только что, не пойму,
Неразгаданный ребус... но я верю в судьбу.
Благодарна тебе я, зимним дням, январю.
Через годы и веси в нашу юность смотрю.

17.01.2019

За больничным окном тихо шепчутся клёны,
Шелестят потускневшей за лето листвою.
Гул ворчливый машин, раскричались вороны,
Нарушая привычный больничный покой.
Сумасбродные мысли в голову лезут,
Мне не хочется думать о чём-то плохом.
Люди вечно спешат и куда-то все едут,
Закружила всех жизнь ритме их городском.
За больничным окном август плечи расправил,
Небо чистое, ясное, солнце палит.
Смог унёс ветерок, ни следа не оставил,
Неспокойно душе, она снова болит.
Сердце рвётся домой, ему всё надоело,
Август тоже грустит рядом вместе со мной.
Ветер тучи принёс, всё кругом потемнело,
Первый жёлтый листок закружил над землёй.

08.08.2019

Жизнь одна, не прожить два срока
И судьбу нам не изменить.
Как бы жизнь не была жестока,
Не могу её не любить.
На себя смотрю издалёка,
Годы речкою утекли.
Почему душе одиноко?
Мы любовь свою не нашли.
Небу я воздаю молитвы,
Благодарна, за жизнь свою.
Наша жизнь – это поле битвы,
Ясно, кто победит в бою.
Звёзды небо не посылало,
Спотыкаясь, по жизни шла.

Я брала, что судьба давала,
И свой крест, как могла, несла.
Веселее на жизнь смотрите,
Обижаться на жизнь грешно.
Вы судьбу свою не корите,
Будет выглядеть всё смешно.
Годы юности вспоминаю,
Усмехаясь, смотрю в глаза.
На судьбу свою не пеняю,
Почему на глазах слеза?
Мне расклеиваться негоже,
Надо радоваться и жить.
Научи меня, слышишь, Боже?
Эту сложную жизнь – любить.

17.07.2019

Время... время... наше время мчится,
Не остановить, не удержать.
Ночь, луна, больница, мне не спится,
Веру мне не хочется терять.
Мне бы птицей что ли обернуться,
Чтоб домой скорее улететь.
Боль чтоб больше не смогла вернуться,
Чтобы ни о чём не сожалеть.

Боль пройдёт, на лучшее надеюсь,
Почему-то хочется мечтать.
От луны я точно не согреюсь,
Время... время... время не догнать.
Встану утром и расправлю плечи,
За окном больницы рассвело.
Гаснут звёзды, будто это свечи,
Ночь прошла, вновь солнышко взошло.
Солнце встало, утру улыбаюсь,
Утро тоже улыбнулось мне.
Я держаться из всех сил стараюсь,
Жизнь одна, жить хочется вдвойне.

20.08.2019

В ночной тиши зажгу свечу,
Молиться стану Богу.
Перекрестившись, прошепчу:
Всего дай понемногу.
Надежду, веру и любовь,
Без них мы жить не сможем.
Тебе молюсь я вновь и вновь,
Благослови нас, Боже.
Жить почему-то всё трудней,
Дай всем сил, терпения.
Здоровья, счастья для людей
И чуть-чуть везения.
Перед тобой мы все грешны,
Судьба, видать, такая.
Земля страдает без вины,
Ты смотришь, наблюдая.
Осуществятся пусть мечты,
Мы все живём мечтая.
Пусть на полях растут цветы,
Из сердца прорастая.
Прошу здоровья для детей,
Они чисты, невинны.
Ты огради их от смертей,
В детстве все наивны.

В ночной тиши зажгу свечу,
Пусть плачет, не сгорая.
Я помолившись, помолчу,
Перекрещусь, вставая.

07.09.2019

Бегу за юностью вдогонку,
Туда, где пики синих гор.
Люблю родимую сторонку,
Зачем, этот ненужный спор.
Всё здесь с детства дорогое:
Наш лес, дремучая тайга
И поле хлеба – золотое,
И дым осеннего костра.
Люблю берёзовые рощи,
Где каждая былинка – друг.
И дождик, что листву полощет,
Седой, уже отцветший луг.
Дыхание шального ветра,
Черёмух терпкий аромат.
Здесь всё знакомо мне до метра,
Мои рассветы и закат.
Люблю земли моей просторы,
Солнцем прогретые поля.
Гармошки древней переборы...
Всё это – родина моя.

18.04.2019

А осень пела о любви
Под звон гитары.
Сидели в парке до зари
Влюблённых пары.
А осень пела о любви,
Кружила в вальсе.
Лето растаяло вдали,
Умчалось дальше.
А осень пела о любви,
Листву срывая.
Курлычут в небе журавли,

Вдаль улетаю.
А осень пела о любви
И наряжалась.
От алой утренней зари –
Преображалась.
А осень пела о любви,
О ней мечтая.
Цветы срывала, что цвели,
Венок сплетая.
А осень пела о любви,
Но не прощалась,
Грибные принесла дожди,
Всем улыбалась.
А осень пела о любви,
Слёз не скрывая.
Шептали губы о любви,
Любви не зная.

15.09.2019

Другу

Холод тихо вползает в душу.
От мороза замёрзли пальцы.
Не грусти, никого не слушай.
Если предали, распрощайся.
Только душу свою не трогай.
Пусть она остаётся чистой.
Вам идти с ней одной дорогой.
Она скажет: «Прости, дружище!»
И протянет с надеждой руки.
И подставит, как раньше, – плечи.
Вновь избавит тебя от скуки.
Не грусти, держись, человечек!
Она ангелом твоим станет.
Охранять тебя всюду будет.
Ты её очень сильно ранил.
Верь душе, от тебя не убудет.
Холод тихо вползает в душу.

Отогрей её, ты же сможешь.
Одолев вместе с нею стужу,
Ты про все невзгоды забудешь.
22.11.2015

Маме

Мама, мама, мне и солнца мало,
Может, и вселенная мала.
Для любви, что ты нам отдавала,
Как птенцов, учила и вела.
Я тебе протягивала руки,
Желторотый маленький птенец.
Никогда мы не жили в разлуке,
Я сияла, слыша – молодец!
Протекали годы чередою.
Детство, юность где-то позади.
Мама, мама, ты была со мною
На огромном жизненном пути.
Ты варила, штопала, стирала,
Устали, не зная никогда.
Ты пример всем детям подавала,
Только жизнь не вечна – вот беда.
Мы простились зимнею порою.
Ты наш ангел, ты на небесах.
И оттуда говоришь со мною,
Вновь декабрь, капли слёз в глазах.
Ты ушла декабрьской зимней ночью.
Снег кружился за твоим окном.
Я тебя увидела воочию,
Там, за снегом, за ночным стеклом.
Вытри слёзы и не плачь дочурка –
Ты сказала, улыбаясь мне.
И ушла, растаяла фигурка,
Призрачная, хрупкая во тьме.
Сердце, мама, вновь щемит от боли,
И не просто, эту боль унять.
Нет, наверно, тяжелее доли,
Отпустить тебя и всё понять.

07.12.2018

ЮРИЙ МОРГУНОВ

Родился 14 февраля 1947 года в Омской области. С ранней юности увлекался музыкой. Жил в г. Усолье-Сибирском Иркутской обл. После армии окончил музыкальное училище в г. Норильске. Преподавал в музыкальной школе.

Пел в хорах. Концерты по «Союзу», Венгрии, Голландии. Открыл кино-фотостудию «Крокус».

Увлекался пешеходным туризмом, альпи-низмом, фотосъёмкой пейзажей природы. Был внештатником Шушенской контрольно-спасательной службы. С 1992 года спасатель МЧС РФ: по России был на многих катастрофах природного и техногенного характера. В МЧС пришёл 45-летним, в 60 лет проводили на пенсию. В том же 2007 году Шушенский музей пригласил к себе фотографом для создания базы данных основных фондов музея.

Откликаясь на зов души, пишет стихи и рассказы. Главной темой являются переживания и впечатления о природе и экологии. Публиковался в местных и краевых СМИ, в авторском литературном журнале «Северо-Муйские огни», в журналах Белоруссии – «Метаморфозы», «Эколог и Я», «Мир животных».

Солдат Алексеев дважды уходил на войну... и оба раза возвращался

– ... Да, Юрий Михайлович, было, было...

*Ну, вот и города освобождают начали: Тихвин,
Чудово, Новгород. Зима была, 42-го.*

Александр Афанасьевич Алексеев поправил свободной рукой капельницу, окинул взглядом больничный коридор, где он лежал, и, глянув на меня, продолжил свои воспоминания:

– И снова ранение. Да как не просто было добраться до госпиталя в Ярославле. Такая дорога выпала...

– Куда Вас ранило?

– Та-ак, осколочным в плечо и пулевое в обе ноги. Меня тогда с поля боя нёс лейтенант-украинец. Тащил он меня волоком, когда пули свистели и снаряды рвались. А где потише – нёс, как ведро, ухватив за поясной ремень, здоровый был! Сели, закурили. Вдруг мина разорвалась в макушке дерева, под которым мы отдыхались. Нас

привалило сучьями. Мне было проще выбраться, я сидел, привалившись к стволу, а лейтенант подальше. Ползаю, ищу его, разгребая ветки. Нашёл. Из-под его шапки кровь. Ощупал рану, и пальцы мои как бы провалились в неё...

Дальше полз один. Выбившись, поздно ночью забился под сваленную ёлку. Утром в стороне услышал немцев. Я стрелять, а диск пустой, пока возился со вторым, ушли они. Рассвело. Вылез, огляделся. Вдалеке люди идут. Стреляю вверх. Наши! Выжил! На носилки, а потом на телеге какой-то мужичок довёз меня до медсанчасти. Помню избушку, в ней печь из железной бочки, греет! Устал невозможно. Ночь. В ногах тошная боль. Наконец вошла в избу сестра и следом два санитары. И какая же радость узнать в одном из них Андрея Сорокина из Минусинска. Пока сестра с валенками на моих ногах возилась, разрезая их, Андрюха между тем из своей фляжки налил полстакана водки, я выпил. Тут и ноги забинтовали, да ещё полстакана, да закусил чуток... И тут же проваливаться начал. Боль, измучившая меня, ушла. И поплыл я в сон...

Где-то глубоко, из тайников памяти начали проявляться обрывки детства в родном селе Очуры Бейского района. Годы юности и молодости в Каптырево Шушенского района, куда родители переехали в 1932 году. Славное было место. Вид с высокого левобережья енисейской протоки радовал глаз и обдавал душу покоем. Нашлась для молодого Александра и

работа в мастерских МТС. Потом учёба на сварщика в Красноярском паровозоремонтном ремзаводе. Специальность редкая, даже служить в армию не пускали. Так пришлось в сороковом году с дружкой Петром Лобановым написать письмо маршалу Тимошенко с просьбой направить на службу.

В Великих Мостах Львовской области рядовой Алексеев 254 команды особого стройбата в составе роты строил доты.

В обед, 22 июня, перекусывая, увидели над собой три пролетающих самолёта с чёрными крестами на хвостах. Летели бреющим. Даже улыбающиеся лица лётчиков видели. А мы, крича и размахивая руками, ничего не подозревающие, провожали их взглядами. Они развернулись и, спустившись ниже, вдруг начали сбрасывать мелкие бомбы. Это что?! Неужели война?! Замешательство. Палатки горят. Ответить крепким боем не можем. Всего одна винтовка на десять человек и десяток патронов к ней. Потерь не было. Опытный комроты, не раз стрелянный, уже дал приказ отступить.

Пришли в Киев. Там не лучше. Зенитки бьют. Горожане бегают. Уличное радио орёт: «Дорогие граждане, спасайтесь...»

Александр уже помогал зенитчице – и сбивали ведь! Что-то с необычным треском рвануло...

Здесь Алексеева и контузило. Очнулся уже в санвагоне. Крики, стоны, кто-то просил: «Добейте меня...»

– Восстанавливался в госпитале Минусинска. Голова как в огненном обруче, трясло постоянно, даже когда спал. Потом крайвоенком Красноярска, райвоенком Ермаковского – в те годы Шушенское с её окрестностями входили в Ермаковский район – и домой. Молодой организм боролся и бунтовал, рвался к полноценной жизни. И вот снова работа сварщиком в МТС, даже подшипники заваривал. А месяца через три на войну начали брать уже пожилых мужиков. Забрали и родного

дядьку Александра. Хоть и была у него бронь. Но что же это, старики идут, а я?!

Вот и блокадный Ленинград. Разведка. Нас трое. Мороз. В ложине наткнулись на шестерых немцев. Сидят. Притихли. Осторожно обходим их, окружаем. Подползли и с поднятыми гранатами в руках и криками «Ура-а-а! Руки вверх!», ввязались в бой. За эту разведку выпало мне ранение и орден Красной звезды.

...Острая боль пронзила, заставила вскрикнуть и очнуться. Холодно. Почему? Сфокусировавшись, зрение выхватило удивлённые лица Андрюхи Сорокина и сестры.

– Счастливцев! Очнулся! Думали, помер.

– Что случилось?

– Раненые прибывают, класть некуда. Думали, что конец тебе, на улицу вынесли.

А я сижу у кровати на табурете, слушаю и блуждаю взглядом то по скульптурному волевому лицу ветерана, то по капельнице, то по коридору, где неестественно призрачно передвигаются ходячие больные. Вдруг взгляд запинается о шприц, прикреплённый пластырем, игла которого прячется в вене руки. Живой, крепкий голос, переживая воспоминания, вернул меня и моё воображение в переполненное болью время.

– ...и на лошадях, на машине, на поезде до станции Боровичи, пересадка – и вот Ярославль. Госпиталь. Наркоз. Операция. Одну ногу загипсовали, и тут налёт авиации. Бомбёжкой разворотило одно крыло госпиталя. Свет отключился. Отхожу от наркоза, ничего не пойму. Улеглось всё. Появилась медсестра, догипсовала вторую. И снова дорога. В Барнауле я лежал долго. Тыл. Тишина. Непривычно как-то. На обходе хирург: «Кому перевязка, кому зашить, а Алексееву ампутация ног». Что за слово такое «ампутация»? Я и не знал. Лежу, слушаю. Спокоен. Ребятки с соседних кроватей удивляются мне:

– Тебя под нож! Ну и характер!

Вот когда я узнал, что это означает, тут-то и вышел скандал с хирургом: мне же работать, а вы!..

– Ну, не хочешь лечиться, лежи, потом будет поздно.

18 дней прошло, не даюсь, ноги чернеют уже. Тут случился профессор один, да политрук помог. Прооперировал. Около года ждал жизни в ногах. Однажды встал, прошёл метр, полтора...

Зима 43-го была. Выходит, отвоевался.

Подошла медсестра. Ловко и буднично перекрыв капельницу, вынула из вены иглу.

– Александр Афанасьевич, а жену свою Екатерину Антропьевну как Вы встретили?

– Весной! Ноги в силу вошли. Вот и встретил её у сельсовета. Там ещё «пожарка» рядом. Служила Катя тогда в пожарной части. Скоро и свадьбу сыграли. Уже 55 лет как!

Разговор с А. А. Алексеевым состоялся 9 Мая!!!

*Солдат у «Матери скорбящей» –
Стоит, почтительно склонён.
А голубь, в небесах парящий,
Вдруг сел солдату на погон.*

Шинель ветерана

Шинель, согревшая меня,
Тебя забыть мне невозможно.
Я был солдат, была война,
С тобой нам было всё несложно.

Мы вместе горький путь прошли,
Друг друга часто согревали,
А пулемётные дожди
В шинельной скатке застревали.

И умирали мы не раз,
В тот страшный бой земля стонала.
И смерть, срывавшуюся в пляс,
Своим крылом ты отгоняла.

Всё отгремело, всё прошло,
Уж снится Родина из детства.
Расстаться время нам пришло,
Болит и радуется сердце.

24.01.2015

Прошлое из сундуков

Деревню сменяет деревня,
а лица старух – стариков.
Мы прибыли в эти селенья
за прошлым из их сундуков.
Прекрасные старые лица,
где слёз на глазах не унять.
Непросто им с прошлым проститься,
пытаясь нас сердцем понять.
Обследовав всё, что возможно:
сараи, чердак, скотный двор.
Найдя «раритет»,
осторожно заводят о нём разговор.
И хлынут слова, вспоминая,
кто создал полезный предмет.
И прошлое вновь оживает.
– А мастер?
– Его уже нет.
А вещь продолжает трудиться,
храня в себе силу веков.
А нам, снова ехать к границе
за прошлым, в пыли Сундуков.

*Этноэкспедиция по Краснотуранскому р-ну
хранителей музея «Шушенское».
Сентябрь 2009 г.*

ВЛАДИМИР РЕВА

Родился в 1961 году. После окончания художественной школы работал на фабрике сувениров. Стихи начал писать с 13 лет, в 19 лет стал членом лито «Шушенские зори», печатался в районных газетах, 2018 и 2019 годы – в альманахе «Сибирская лира», «Литература

КОЛОКОЛЬЧИК

Соберу звуки природы,
Напишу из них стихи.
Сверху, снизу – небосводы,
Где озёра все тихи.

Где роса горит поутру
Пока зной не иссушил,
Колокольчик пробудился
И тихонько позвонил.

Мне ветер двери открывает,
Когда к тебе я захожу.
Ты спросишь:
«Разве так бывает?»
Спроси у ветерка, скажу.

Весною даже он желает
На тебя мельком посмотреть,
Но всё случайно пролетает,
Успев лишь дверцу отпереть.

И всё ж доволен он порою,
Когда из дома выйдешь вдруг.
Любуясь глаз голубизною,
Вмиг забывает свой досуг.

Совсем стихает в умиление,
Забыв про синь своих небес,
Как я, готов в стихотворенье,
Сказать, кто лучше всех чудес.

И Русь никак решить не может,
Всё смотрится в речную гладь,
Душою всей не подытожит,
Чей лучше взгляд, как ей сказать?

СТАНИСЛАВ РОМАНЕНКО

Родился в 1936 году. Поэт, композитор, учитель, певец. Станислав Яковлевич трижды лауреат всесоюзных и всероссийских фестивалей народного творчества, дипломант творческого показа на ВДНХ в Москве. Его имя известно не только в Красноярском крае. Учитель по призванию. Поэт, композитор, певец от бога – данный дар. Ярко одарённая личность. Песни его всегда идут в ногу со временем. Сам Станислав Яковлевич был и остаётся в гуще народа.

Красноярск – центр России

В далёкие годы седой старины
В Сибирь шли казаки – России сыны.
Казак воевода Дубинский Андрей
Построил острог, где течёт Енисей.
С мечтой поколений в таёжном краю
Поднялся наш город на Красном Яру.
Идут пароходы на север, на Карск,
И шлёт им приветы родной Красноярск.

Красноярск – центр России,
Город славы и мечты.
Он ведь сказочно красивый –
Город мужества, весны.
Славься город Красноярья,
Город мира и друзей!
Юг и север с Заполярьем
Породнил нас Енисей.

Здесь гения мудрость крепчала в борьбе
За веру, за правду в нелёгкой судьбе.
Щетинкин и Кравченко битвы вели,
В войне партизанской свободу спасли.

Шли годы потерь, как в жестоких боях,
Но строился город, рос хлеб на полях.
Сражался с фашистом, Москву отстоял,
А значит– он городом мужества стал.

Великий наш город великой страны,
Ты гордость России – родной стороны.
Сияй и трудись Красноярская ГЭС,
Пусть свет твой лучится
Средь звёздных небес.
Расти Красноярск, хорошей с каждым днём,
Мы в песнях, стихах тебя воспоем.
Да здравствует наш красноярский народ!
Он любит свой город, шагает вперёд.

Март 2008 г.

Эвенкийский туристский вальс

Снова бивак на поляне,
Снова наш круг у костра,
Только вожак на поляне
Вальс заиграл, как вчера.

Трудная доля туриста –
Всякий ли это поймёт,
Станет далёкое близким,
Если шагаешь вперёд.

Ярко горят над тайгою
Звёзды вечерней порой.
Может быть клад здесь откроем
Под эвенкийской землёй.

Нам ведь привычна усталость,
Нам больше дел подавай.
В памяти нашей осталось
То, чем богат этот край.

Если поёт ваша душа
От любви к своей работе,
Тогда песня хороша,
Уверен, с ней вы отдохнёте.

Я неслучайно воспеваю
Любовь к России, к родному краю.
Моя любовь – в делах и в песне,
Так надо жить, так интересно.

Июль 1970 г.

Край журавлей

В красивом слове – «журавлинка»
Я слышу крики журавлей,
Летающих стройной паутинкой
Над чёрной пахотой полей.

Шушь, Енисей, тайга, Саяны
Шлют им сибирский свой привет.
Платком цветов манят поляны,
Их приглашая на совет.

Прилёт журавушек нам в радость,
Пришла, пришла пора весны.
С ней будто пьёшь напитка сладость
С обильной утренней росы.

Свой путь, проложенный веками,
Они вершат в моём краю.
Край журавлей богат стихами,
Я – песней звонкой воспою.

Апрель 2008 г.

Шушенские зори

Шушенские зори,
Разгорелись алые
Над Саянским морем

Звёзды небывалые.
Сторона сибирская
Сердцу стала близкою,
Ты, как мать любимая,
Дорога!

Сколько здесь простора –
Дали необъятные,
И леса, и горы.
Земли благодатные.
Синева над Шушею
Наши песни слушает,
Эти песни сложены
На века!

Шушенские зори,
Разгорелись алые
Над Саянским морем
Звёзды небывалые.
Енисей наш батюшка,
Сибирь – наша матушка,
Это наша Родина
На века!

Май 1980 г.

Я стал сибиряком

Я с юных лет живу в родной Сибири,
Служил солдатом, был на целине,
И чтобы мне о ней не говорили –
Сибирь мне стала Родиной вдвойне.
Судьба меня бросала в край далёкий.
Я строил БАМ, учителем я был.
Но Красноярский край мой синеокий
Я навсегда всем сердцем полюбил.

Здесь я познал науки жизни строгой,
Здесь я создал чудесную семью,

И, может быть, мной сделано немного,
Но я судьбу свою боготворю.
Теперь я стал сибиряком по жизни,
Другого счастья не желаю я.
Люблю Сибирь я, как свою Отчизну,
Ей песня посвящается моя..

Где твой голос?

Оглянись, моя Россия!
Что случилось с тобой?
Где твоя былая сила,
Где могучий голос твой?
Стало жить народу сложно.
Почему же мы молчим?
Как бы не было, как в Грозном,
Потом беду не отмолим.

Разве можно жить народу,
Где вершится беспредел?
Он всегда был за свободу,
Он ведь славу ей воспел.

Ой, народ, очнись, подумай,
Нынче власть дурачит нас.
Даже избранная Дума
Предает народный класс.

Партий много, толку нету,
В их кругах одна возня.
Глянь в журналы да газеты –
Сплошь враньё и болтовня.

Всё забрали олигархи,
Обобрали нашу Русь,
Заодно с ними монархи,
Я средь них не назовусь.

Где ж тут быть достойной жизни? –
Нет порядка на местах.
Когда нет любви к Отчизне,
То всему приходит крах.

Кто придумал продкорзину?
Дать ему бы на денёк!
Он забыл бы рот разинуть
На предложенный паёк.

До избраний президента
Ты тут жди от власти цирк-
То охают претендента,
То ликуют на весь мир.
Что не выбор, то потеха:
«Кто тут будет президент?»
Не обходится без смеха
Этот выбранный момент.

Кто богаче – лезет к власти,
Куш боится упустить,
Миром всем уймём их страсти,
Власть продажную судить.

18 марта 2006 г.

Дорога

Спешат поезда и знакомый гудок
Нас манит и манит куда-то.
Хотим мы на Север, хотим на Восток,
На Юг и на запад нам надо.

Прощай наша школа, настал наш черёд –
Познать нам наука для жизни.
Быть может, в тайге возведём мы завод,
Откроем богатство Отчизны.

Ведут нас дороги на стройки, в поля,
Повсюду нужны наши руки.

Давайте, ребята, начнём всё с нуля,
Чтоб не было место для скуки!

Немало задач нам придётся решать,
Но важно достичь своей цели.
Быть Родине нужным, полезным стать,
Чтоб новые песни запели.

Май 1962 г.

Гармонь – душа России

С давних пор моя Россия
Без гармошки не жила.
Хоть кого бы расспросил я,
Скажут – всем она мила.
И напевом нежным, сладким,
С переливом соловья,
Где гармошка, там и пляски,
Песни русские звенят.

Я прошёл по белу свету,
Лучше всех – родная Русь.
И её красивей нету,
Ей, как матерью, горжусь.
Без гармошки – нет России,
Без России – песни нет..
Ведь гармонь – душа России.
Значит, жить ей тыщи лет.

Разведи меха, гармошка,
Заиграй ещё звончей!
Без тебя жить невозможно,
Где гармонь – полно друзей.
Сколько будет жить гармошка,
Столько будет жить и Русь.
Ты всегда со мной гармошка,
Другом быть тебе клянусь.

НАДЕЖДА САФРОНОВА

Вот и кончилось лето

Романс

Вот и кончилось лето.
Милый мой сад опустел.
Грустных птиц перелётных
Уж караван отлетел.
Вот и кончилось лето...

И ветви скорбно воздев,
Молча пощады моля,
Скелеты тёмных деревьев
Память о лете хранят.
И ветви скорбно воздев...

Скучно в поле широком,
Одна в лесу тишина.
Хладным суровым оком
В душу нам смотрит зима.
Скучно в поле широком...

И сжимается сердце,
Помня цветы на лугах.
Светит тусклое солнце,
Скрываясь от нас в небесах.
И сжимается сердце...

Ноябрь 2015 г.

Осень – королева

Песня

О своей печали журавли кричали,
Ставят журавляток на крыло.
Звуков нет печальней у осени начальной,
Лето отдаёт своё тепло.

Золотое лето дарит эстафету –
Осень стелет золото дорог.
Листья рассыпая, землю устилая –
Королевой встанет на порог!

Мчит земля, вращаясь, с Вечностью касаясь,
И не станет время ожидать.
С криком журавлиным, в блеске паутины
Лето встрепенётся – не догнать!

Ждать уже недолго – в дальнюю дорогу
Караваны в небе поплывут.
Улететь бы с вами! Но стоим столбами –
За спиною крылья не растут...

Август 2015 г. – май 2019 г.

Лето прощай!

Песня

Вчера шумели грозы и циния цвела.
Ударили морозы – и вроде бы зима.
Зелёный листочек слетает с тополей,
А беленький снежок лежит среди полей...

Лежать ему недолго – растает под лучом.
А на душе тревога – как будто ни о чём.
Пленённая природа мне сердце холодит.
Суровость небосвода нам карюю грозит.

Под тяжестью холодной цветы упали ниц.
Просторно и свободно, и нет нигде границ.
А листик не развеян, и должно быть тепло!
Крылом зимы оваян, к берёзке я прильну...

Октябрь 2016 г.

Золотые вы годы мои...

Песня

Вот и растаял снежок –
В поле светло и тепло.
Ну, улыбнися, дружок,
Время зимы не пришло!

Припев:

Золотые вы годы мои!
Всё уносит вас жизни река.
И, цветком распускаясь в груди,
Надежда на счастье жива!

Зима отсрочку дала.
Солнце смеётся с небес.
Ах, как тепла я ждала –
Хочется сердцу чудес!

Ветер игриво несёт
Павшие листья с дерев.
Нас за собою зовёт,
Мягким теплом обогрев!

Ноябрь 2016 г.

Запоздалая пчела

Песня

Летит едва-едва жива
Запоздалая пчела.
Злаченных листьев кружева,
А нектара не нашла
Запоздалая пчела...

Вот потемнели небеса,
Облако нахмурилось.
В траве тяжёлая роса.
Солнышко зажмурилось.
Облако нахмурилось...

И голубой поник цветок,
И листики намокли.
И замерзает паучок.
Воробы замолкли.
И листики намокли...

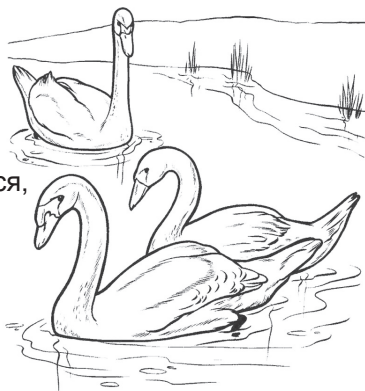
Ах, поливает день и ночь
Осенний дождь холодный!
И слякоть – непогоды дочь.
Дрожит щенок безродный.
Осенний дождь холодный...
Сентябрь 2015 г.

Лебедь белая

Песня

Лебедь белая да купается,
И в речной воде отражается.
Рядом верный друг с ней качается,
И лебёдушка улыбается.
А земля вокруг сказкою цветёт.
Лебедь гордая по воде плывёт.

Осень жёлтая подбирается.
Лебедь белая собирается.
В дальний путь она отправляется,
С милой родиной всё прощается.
И кричит, кричит лебедь белая:
– Не зима бы здесь, не улетела б я...

Вьюга снежная рассыпается.
Пеленой земля укрывается.
Зима развесила ковы кованы.
Спит земля моя – околдована.
И река во льду помертвелая.
Где же, где же ты, лебедь белая?

Не навек зима – мгла холодная.
Нас обрадует жизнь свободная.
Распахнётся ширь голубых небес,
И увидим мы – этот мир воскрес!
Песня нежная в небесах звенит.
Лебедь белая к нам с весной летит!

Ноябрь 2017 г.

Примечание: ковы со старообрядческого – оковы.

Листопад

Осень листьями швыряется.
Сердитый ветер щёки холодит.
Листик с дерева срывается,
Порхает, с высоты небес летит.

Листопад под ветром всё кружит
И осыпает, золотом маня.
Ветка обнажённая дрожит,
Тоску и грусть наводит на меня.

Блеск и радость лета унеслись –
Унесли кусочек жизни нашей.
Вот уж осени костры зажглись,
Жар огня у летних дней укравшей.

Деревья миру листья дарят.
Мы бредём по сказочным дорогам.
И ждём: вот-вот мороз ударит,
Пышно разлягутся сугробы...

Сентябрь 2018 г.

Бабье лето

Тихая заводь моя – Ильичёво
В окруженье лесов и полей.
Скоро снежные лягут покровы,
А пока всё теплей и светлей.

Здесь осень золотая на троне пока...
На полях ни людей, ни машин.
Засыпана плотно листвою тропа,
Ветви голые смотрят с вершин.

После бурь и холодных ветров, дождей
Будет душу нам греть благодать.
Теплом этим душу и сердце согрей,
Всё собери, что сможешь ты взять:

- Этот светлый покой в поднебесье,
- Эту тайную грусть от полей,
- Молчание жёлтого редколесья,
- Как журчит и поёт нам ручей...

Ах, бабье лето – оно ненадолго!
И, как краткое счастье у нас,
Всё развеет, унесёт от порога
Разбойник-ветер. Свет и погас...

Остаётся верить и ждать до весны.
Знай – печальная осень, зима
Подарят минуты, улыбкой полны.
Будет подругой надежда сама!

Сентябрь 2019 г.

Музыка цветов

Вам, цветы осенние,
Мёд с горчинкой – аромат.
Сине-бело-пенные
Сентябринки вокруг стоят.

Вы – чудо как красивы!
Увядание кругом...
Соцветья прихотливы –
Звёздочки летят лучом!

Магическая сила
Наш притягивает взгляд.
У лета попросила
Осень сказочный наряд.

Лета солнце щедрое
Шлёт последние лучи.
Искрами победными
Музыка цветов звучит!

Сентябрь 2019 г.

Пасмурно и сыро.
Взгляд небес холодный.
В небесах тех дыры,
Где солнца луч свободный.

Ветер в спину гонит –
Всё лучше, чем в лицо!
Шум. Деревья клонит.
Обречённости кольцо...

Вот и дом, калитка
И очага тепло.
Тоненькая нитка
Веры в жизнь. И так светло...

Сентябрь 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентина Андреева.....	5
Тамара Арбатская.....	15
Людмила Башкирова.....	24
Людмила Белякина.....	30
Николай Звягинцев.....	47
Юрий Иванов.....	56
Тамара Казанцева.....	63
Юрий Моргунов.....	80
Владимир Рева.....	86
Станислав Романенко.....	87
Надежда Сафронова.....	94

Краски души

Литературная тетрадь № 1

Редактор-составитель:

Тамара Степановна Арбатская

*На 4-й стр обложки картины Т. А. Арбатской
«Осенняя рапсодия», «Царствие зимы»*

Компьютерное обеспечение:

Дувакина Н.М.

Оформление по материалам INTERNET

Подписано в печать 17.11.2019.

Формат 60х90 1/16.

Усл.печ.л. 6,20. Уч.-изд.л. 6,35. Тираж 100 экз.

Св-во № 1051901115200 от 22.12.2005.

Отпечатано с оригинал-макета
на ризографе «RISO»

г. Абакан, ул.Промышленная,31

Тел. 8-923-390-33-63